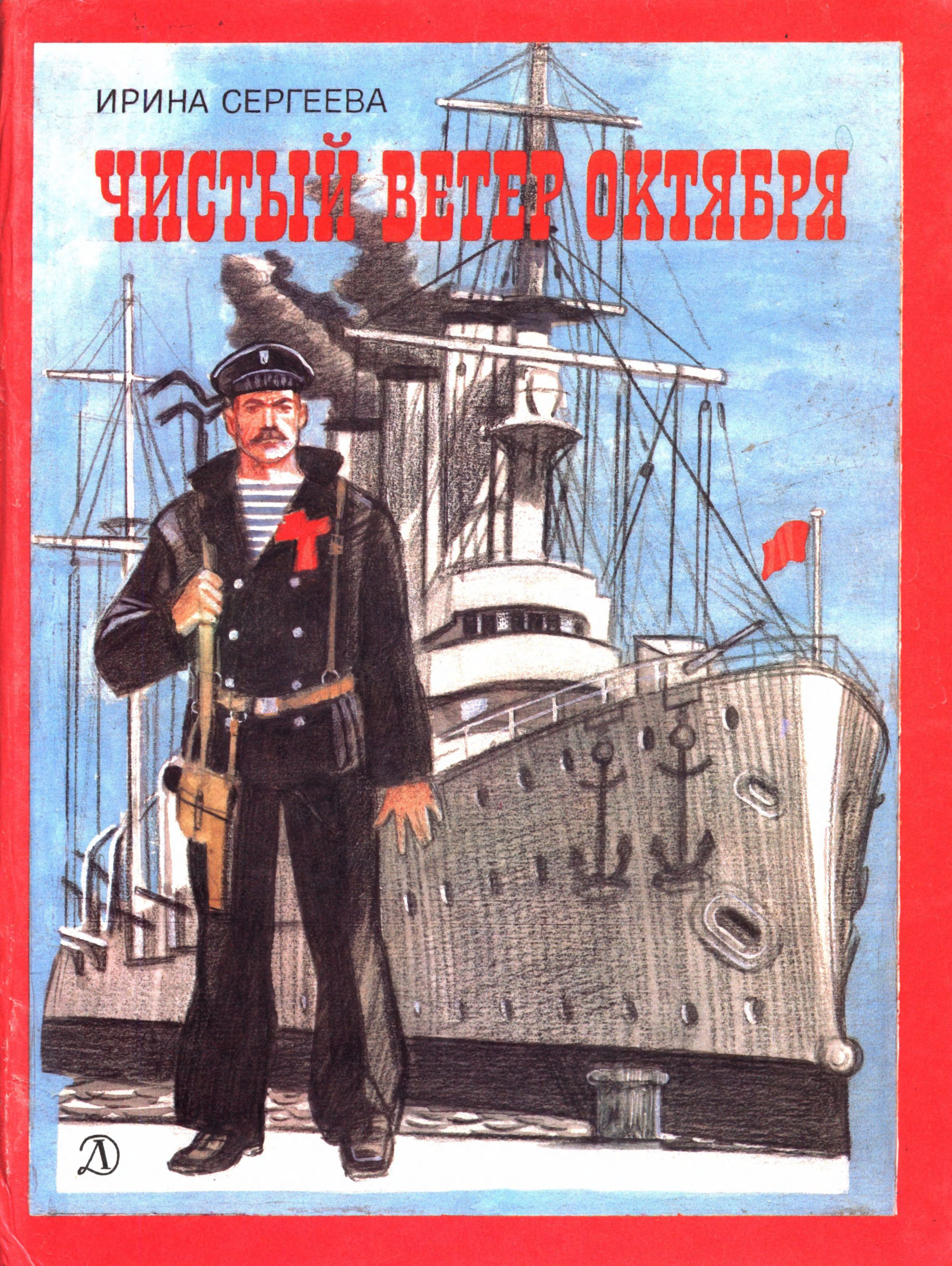

ИРИНА СЕРГЕЕВА
ЧИСТЫЙ ВЕТЕР ОКТЯБРЯ
Д

Ирина Сергеева

ЧИСТЫЙ ВЕТЕР ОКТЯБРЯ

Историко-публицистический
рассказ

Художник
Юрий Копейко

Москва
«Детская литература»
1987

Перед грозой меркнет день. Смолкают птицы, и деревья не смеют шевельнуть листком. Вся природа замирает. Ещё миг — и рванёт ничего не боящийся гром.

Как ждёт всё живое свежести ветра и ливня! Ждёт обновления.

Революция — тоже гроза. Она врывается в застоявшуюся духоту жизни, распахивает все окна. Она приносит с собой очистительные потоки перемен.

Первый день Октябрьской социалистической революции стал днём рождения нашей страны. Главным праздником советских людей.

Каждый год колонны октябрьских демонстраций вступают на наши улицы и площади. В сизом сумраке осени вспыхивает тогда живой, горячий цвет знамён. И взрослые поднимают над собой детей, чтобы они больше, дальше видели. Пусть запомнят общую радость и почувствуют себя её частицей. Пусть оглянутся с отцовских плеч на наше начало.

В теперь уже далёком 1917 году по улицам городов тоже шли демонстрации. Они были вызовом и грозным предупреждением врагу. Они помогали объединиться борцам за народное дело. Праздник ещё не наступил, и надо было пробиваться через вражду и ненависть. Идущих под красными знамёнами встречали казачьи нагайки, а то и свинец.

Но у революционеров не бывает дорог лёгких и безопасных. Как не бывает тихой жизни у тех, кто не согласен сидеть в сторонке и ждать неторопливого прихода лучших времён, а сам переводит тяжёлые стрелки часов истории.

Шли последние месяцы, недели и дни доОктябрьского времени...

С $\frac{4803010102-503}{М101(03)87}$ 063—87

ЛЕНИН ПРИЕХАЛ!

Утро выдалось весёлое, солнечное.

Застывшая за долгую зиму земля радовалась теплу. И лица людей оттаивали, светились бодрой надеждой.

Просторное Лиговское поле напротив проходных ворот Путиловского завода заполнили рабочие. Они часто собирались здесь по выходным. И в этот апрельский день пришли, чтобы вместе отдохнуть от тяжкого труда, отдышаться на весеннем солнышке.

Кто прихватил из дома самовар, а кто — городки, гармошку. Какой отдых без песен?

По прошлогодней, только что из-под снега траве разбрелись кучками. Разноцветными пятнами пестрели женские платки среди тёмных кепок. Шумело разноголосо Лиговское поле. Гармошку заглушали со всех сторон разговоры о трудных временах и нехватках, о войне.

Третий год лилась кровь на фронтах. Они протянулись, как незаживающая рана, от Балтийского моря до Чёрного. Царь Николай II не поделил барышей со своим родственником, германским кайзером Вильгельмом. А народ русский — расплачивайся.

Уже на миллионы шёл страшный счёт — загубленных за чужие интересы жизней.

И хотя царский трон был опрокинут и снесён народом ещё в феврале, всё так же гнали на германский фронт рабочих и крестьян в солдатских шинелях. И так же, как год и два назад, русских людей убивали и калечили на полях, опутанных косыми крестами колючей проволоки.

А здесь, в тылу, всё длинней становились очереди за хлебом. Всё трудней было рабочему люду сводить концы с концами.

Кого же теперь винить в войне и голоде? Ведь Временное правительство, сменившее царя, на каждом шагу клялось, что оно за народ и революцию.

Видно, одним узлом завязаны в военной бойне интересы царские, барские, буржуйские. И узел тот не распутать, пока у власти будут богатые.

Бородатый мужик в городском пиджаке и начищенных по случаю пасхи сапогах — он был похож на тех, кто приходил на завод из разорённых деревень,— громко жаловался на неурядицы и несправедливость жизни. Внимательней всех слушал его худощавый, быстрый в движениях парень с непокрытой кудрявой головой.

— Так ты за кого, дядя? За Временное правительство или за большевиков?

— Вот и не знаю, сынок. Я ж неграмотный. Растолкуй.

Парень принялся объяснять бородачу, как просто в этом деле

разобраться, если смотреть в корень. Временное правительство хочет продолжать царскую войну до победы. Только чья это будет победа? А большевики требуют немедленно заключить мир и заняться делами в стране: передать землю крестьянам, а заводы и фабрики — под рабочий контроль. Разница понятна?

Люди прислушивались, теснее собирались вокруг говоривших и споривших.

Длинные тени ложились на землю. Потянуло холодком. Солнце начинало клониться к закату.

Как вдруг словно живая, горячая искра проскочила среди стоявших и сидевших рабочих. От группы к группе шла какая-то весть. Она поднимала на ноги, заставляла толпу стягиваться к общему центру — оттуда доносились взволнованные голоса.

Кудрявый парень, тот, что минуту назад неторопливо беседовал с дотошным мужиком, теперь жадно расспрашивал завкомовца с красной повязкой на рукаве. И потом, не скрывая радости, громко, для всех объявил:

— Товарищи, сегодня вечером в Петроград приезжает Ленин!

Эта весть быстро, как ветер, охватила город. За Нарвской и Невской заставами, на Охте, Петроградской стороне и Васильевском острове начали собираться колонны. И хотя заводы и фабрики в этот день по случаю церковного праздника были закрыты, рабочие тысячами шли к своим предприятиям. Строились, выносили красные знамёна, революционные плакаты. Трудовая столица готовилась к встрече.

Владимир Ильич Ленин возвращался в Россию после десятилетней вынужденной разлуки с ней. Скрываясь от преследований царского правительства, он покинул родину в 1907 году. После разгрома первой русской революции на большевиков обрушились жестокие расправы — тюрьмы, каторга, казни. Чтобы сберечь силы для будущих сражений, партия перешла на нелегальное положение. Многим пришлось отправиться в эмиграцию, за границу.

И вот наступил час возвращения.

Поезд оставил позади Швецию, Финляндию, колёса отсчитывали километры уже по русской земле.

Владимир Ильич, сосредоточенный и молчаливый, стоял у вагонного окна, за которым проносились туманные равнины и по-весеннему обнажённые поля. Прислонившись лбом к стеклу, чуть побледнев от волнения, он смотрел не отрываясь на родную до боли землю. Она просыпалась для новой жизни, для больших событий. Уже скоро... Чем-то встретит его столица?

А по проспектам Петрограда двигалось к Финляндскому вокзалу многотысячное народное шествие. Под торжественные звуки

революционных маршей шли рабочие Выборгского района, а рядом с ними — правильные шеренги бывшей лейб-гвардии Московского полка. Печатали шаг моряки Балтийского флотского экипажа. Солдаты броневого дивизиона катили в приземистых машинах, одетых в сталь, с торчащими из прорезей пулемётами. Через залив спешили к назначенному часу матросы Кронштадта.

Казалось, город готовится к смотру своих революционных сил. Да так оно и было. Как только из Центрального Комитета большевистской партии сообщили в рабочие районы о приезде Ильича, всё пришло в движение. И друзья и враги революции понимали: наступает решительное время.

Путиловцев собралось чуть ли не две тысячи. Их путь пролегал через весь город — из-за Нарвской заставы на Выборгскую сторону.

Впереди шёл отряд красногвардейцев с винтовками на плечах. В надвигающихся сумерках над рядами идущих вспыхнули факелы, и этот колеблющийся свет грозно и празднично подчеркнул алый кумач знамён и холодный блеск штыков.

Вот и привокзальная площадь. Люди стоят вплотную друг к другу. Медленно, с трудом протиснулся в толпе броневик.

Грянули оркестры. В их медный голос вплелся близкий гудок паровоза. И сразу стало тихо. Голубые клинки прожекторов скрестились на маленьком здании вокзала, осветили перрон и строй вооружённого караула.

Парень с Путиловского поднял повыше свой самодельный плакат «Рабочий привет товарищу Ленину!».

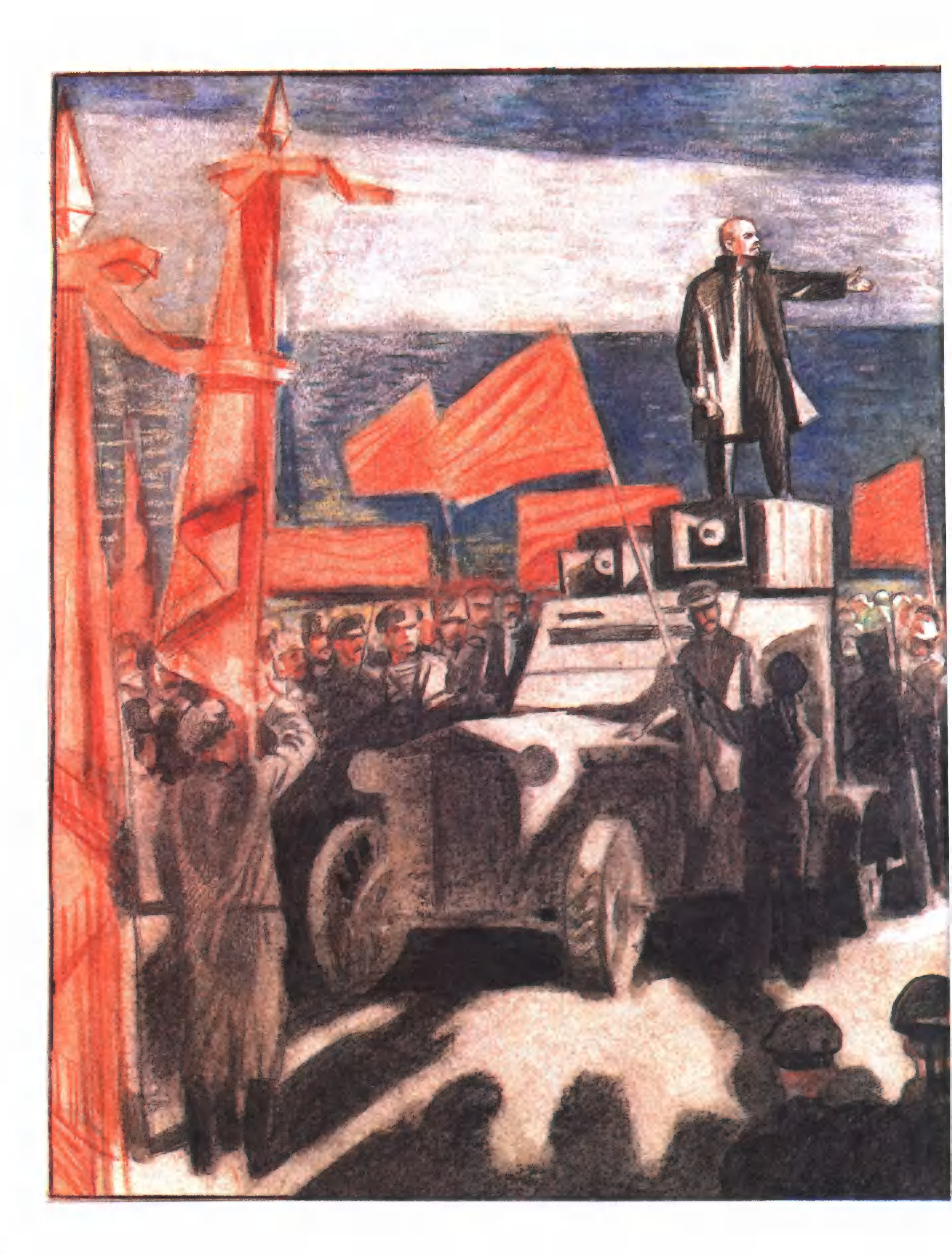
Он знал вождя партии только по его статьям в «Правде», в «Социал-демократе», но в политических спорах уверенно называл себя ленинцем и рисовал в своём воображении необыкновенного человека — исполина, сказочного богатыря. Видеть не приходилось: был совсем мальчишкой, несмышлёнышем, когда Ленин уехал из России. А вот теперь встречает его здесь убеждённым большевиком. Выросло новое поколение молодёжи, которая ещё не слышала живого голоса Ильича.

На перроне появился человек среднего роста, в расстёгнутом тёмном пальто. Даже издалека заметно, что он взволнован встречей. Снял шляпу и держит её в руке. Совсем простой, обычный, каждым жестом понятный. Вот он какой!

Крепкие руки подхватили Ленина и подняли его на броневик, чтобы всем было видно и слышно. Владимир Ильич сразу заговорил о главном. Перед ним были близкие товарищи, боевые друзья, с которыми он давно вместе.

Борьба не закончена, говорил он им, впереди у нас — социалистическая революция!

Весенним громом загремело над площадью «ура!». Броневик двинулся и медленно покатил на Петроградскую сторону, к дворцу

Кшесинской. Так называли петроградцы красивый особняк на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы. Бывшая его хозяйка, балерина императорского театра, в дни февральской революции бросила на произвол судьбы дом, подаренный ей царём. Пустующее помещение занял революционный отряд рабочих и солдат. Здесь разместился главный штаб большевиков. Пришло время царским дворцам переходить в руки народа.

На всём пути по ночному городу машину сопровождали тесные ряды людей в рабочих тужурках, в морских бушлатах, в солдатских шинелях. И голубые лучи прожекторов прокладывали им в темноте дорогу. Это добровольно несла многочасовое дежурство прожекторная рота Петропавловской крепости.

Только под утро путиловцы повернули к себе на завод. Близилось время заступать в первую смену.

Шли и пели «Смело, товарищи, в ногу!», «Варшавянку». Утренние улицы казались новыми, преобразившимися. Как будто за несколько часов в Петроград пришла другая жизнь.

На пути попадались группы солдат с красными бантами на шинелях. Видно, тоже возвращались после встречи с Лениным в казармы. Древние каменные сфинксы на набережных с интересом поглядывали на оживлённых людей, забывших про сон и отдых.

Кто-то вставил красный флажок в холодную руку огромной бронзовой царицы — Екатерина казалась то ли растерянной, то ли пристыжённой. Поцарствовали, и будет!

А в окнах домов приподнимались занавески, и из-за них выглядывали удивлённые лица всё проспавших обывателей. С улицы неслось ликующее:

— Ленин приехал! Ленин с нами!

СТАРЫЙ КУЗНЕЦ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Прошло немногим больше месяца после того знаменательного апрельского дня, как в гости к путиловцам пожаловали министры Временного правительства.

Было чему удивляться. Совсем недавно рабочие целый день добивались встречи с «правителями». Тогда у Мариинского дворца собралось больше ста тысяч человек — все с петроградских заводов и фабрик. Они хотели услышать, кто же дал право министру иностранных дел Милюкову обещать союзникам — правительствам Англии

и Франции,— что народ России готов и будет любой ценой продолжать войну до победного конца.

На Путиловском было много тех, кто сам испытал, что получает народ от этой войны. Рабочих сотнями, тысячами посылали на фронт под пули. При этом откровенно выбирали самых активных, «неудобных» и неугодных хозяевам. Возвращались немногие — раненые, искалеченные, досыта нахлебавшиеся окопной каторги и немецких ядовитых газов. А их хозяева спешили положить в банк новые миллионы от военных заказов. Выходит, за чьи-то барыши расплачиваться жизнями, здоровьем?

«Правители» не вышли из дворца к рабочим. Но когда путиловцы возвращались с митинга, им в спину засвистели из засады пули.

Ещё недавно в безоружных рабочих стреляли из засады царские жандармы. Теперь так разговаривали с народом «временные».

Демонстрации продолжались с новой силой и на следующий день. Милюкову всё-таки пришлось уйти в отставку. Были уже не те времена, чтобы не обращать внимания на стотысячные демонстрации протеста.

Спасаясь от гнева рабочих, Временное правительство решило поделиться властью: в компанию министров — капиталистов и помещиков пригласили новых людей. Было объявлено, что пять министерских портфелей получат представители партий меньшевиков и эсеров.

Большевики называли эти партии соглашательскими.

И меньшевики, и эсеры умели произносить пламенные речи о свободе и справедливости. Они называли себя защитниками народных интересов, революционерами и патриотами. Красивыми словами обманывали доверчивых и не очень-то разбирающихся в политике людей: в их партии поначалу вступали и безграмотные крестьяне, и даже рабочие.

Но 1917 год всё ясней показывал, что соглашатели не верят в народ. Всеми способами они стремились договориться с имущими классами и не допустить к власти тех самых рабочих и крестьян, которым клялись в своей верности.

Теперь эсер Чернов стал министром земледелия. Меньшевик Церетели получил в управление почту и телеграф. Эсера Керенского назначили военным и морским министром... Это был хитрый ход Временного правительства — попытка успокоить возмущённых, вызвать доверие у народных масс.

И вот новоиспечённые министры вместе с руководителями своих партий приехали на Путиловский завод.

Может, они хотели извиниться за Милюкова? Или за невежливость у Мариинского дворца?

Время было дневное, как раз перерыв. На заводском дворе собралось почти сорок тысяч человек из первой и второй смен.

Что же скажут высокопоставленные гости рабочим?

Оказывается, песня старая, давно известная: «Надо продолжать войну, не жалеть сил и жизни, иначе союзники очень обидятся».

Со всех сторон раздались возмущённые голоса, посыпались вопросы:

— А что мы не поделили с немецкими рабочими? За что воюем?

— Кончать надо войну, да поскорее!

— Когда землю крестьянам дадите?

На трибуну вышел «селянский» министр Виктор Чернов. Он принялся уговаривать рабочих отказаться от слишком больших требований, потерпеть, подождать. Обещал, что со временем вопрос с землёй утрясётся. Только не надо слушать большевиков.

— Пойдёте за большевиками,— пугал он,— останетесь ни с чем, у разбитого корыта, как старуха из сказки.

Даже пушкинскую сказку о золотой рыбке приплёл министр. Но пока он рассказывал сказки, на заводском дворе появился Ленин. Здороваясь на ходу с рабочими, Ильич быстро шёл к трибуне.

Это путиловские большевики из заводского партийного комитета попросили Ленина приехать, узнав о предстоящей встрече с уговаривающими соглашателями.

Насмешливо блестя глазами, Ленин дослушал Чернова, внимательно всмотрелся в лица рабочих. И когда заговорил, министрам стало не по себе.

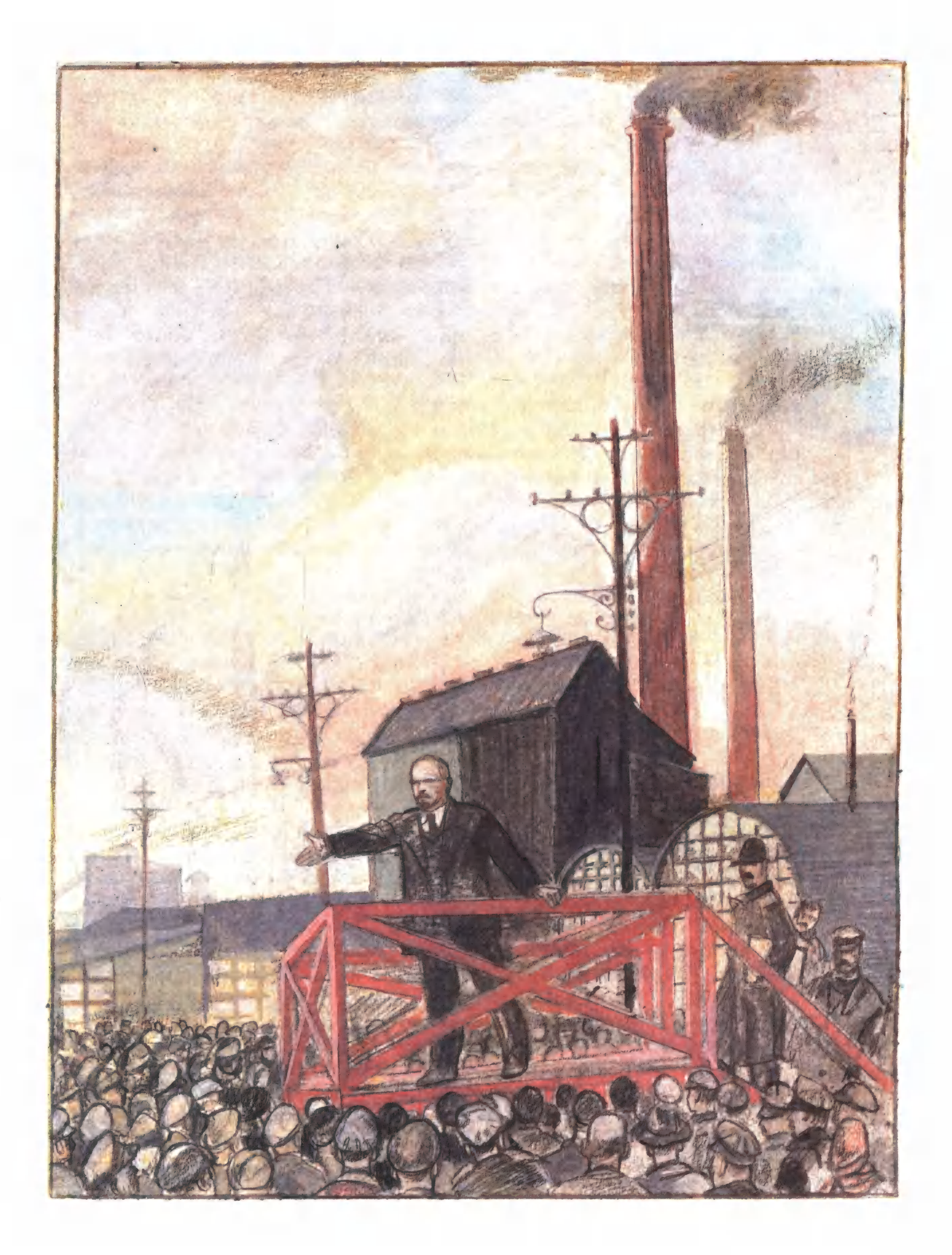
Вождь большевиков обстоятельно и понятно разобрал, сколько миллиардов сверхприбыли получает от войны буржуазия, кому кровавая бойня выгодна. Это была та правда, которую смутно чувствовали, о которой догадывались про себя, не умея её объяснить, собравшиеся здесь усталые, задавленные жизнью люди. Ильич говорил их негодующим голосом, от их имени выносил приговор. И выходило так, что защищать империалистическую войну могли только предатели интересов народа.

Под крики «Долой!» разоблачённые «патриоты» поспешили убраться. Их проводил негодующий смех, кто-то озорно засвистел вслед...

Пошла дальше своим чередом заводская жизнь. Но что-то бесповоротно изменилось в людях. В цехах долго обсуждали всё происшедшее. Ругали притворных друзей народа, одобряли большевиков.

Рабочие начали выходить из соглашательских партий.

В кузнечной мастерской пустили по кругу кепку. В неё бросали разорванные на клочки членские билеты — меньшевистские и эсеровские. Если до сих пор по доверчивости или малограмотности кто-то ещё верил красивым словам и обещаниям и не видел особой

разницы, в какой партии состоять, теперь появилась ясность. Рабочие своими глазами увидели, кто только на словах за народ, а кто — на деле.

Даже старый кузнец, которого все почтительно называли «дядя Кузя», притих и задумался. А ведь раньше он громче всех кричал на митингах за эсеров.

Если говорить честно, дядя Кузя выбрал эту партию как человек бережливый. У эсеров членские взносы были поменьше, чем у других,— всего 50 копеек. Всё же остальное — программа, лозунги,— ему казалось, что тут у всех примерно одинаково.

Но выходит, что совсем не одинаково. Выходит, здорово его надули эсеры и этот их Чернов. Стыдно теперь людям в глаза смотреть.

А тут ещё молодёжь поддевает:

— Дядя Кузя, один ты у нас эсером остался...

Вот допекают! Что он, сам не видит, где правда, где кривда? Ещё не совсем ослеп, стоя день и ночь у огня. И старый кузнец яростно швырнул свой билет в заполненную чуть не доверху кепку.

Под торжественное пение «Со святыми упокой» потерявшие всякую надобность документы были сожжены в ярко пылавшем кузнечном горне.

В те дни Путиловский завод стал окончательно большевистским. А по нему весь рабочий Петроград равнялся.

ЗА КОГО ГОЛОСУЕТ УЛИЦА

Вскоре пришло время и всей России делать свой бесповоротный выбор.

В знойный июньский день, когда солнце плавилось на камнях мостовых, в Петрограде открылся Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. И за толстыми стенами старинного здания кадетского корпуса на Васильевском острове тоже стало жарко — от сражений, разгоревшихся на съезде.

За столом президиума устроились важные господа в дорогих костюмах, ослепительно белых офицерских кителях, в профессорских сюртуках. Это меньшевики и эсеры, которые не скрывают больше своей близости и согласия с буржуазией. С тех пор как русские капиталисты в благодарность за поддержку признали их своими, нет более ревностных защитников политики Временного правительства, чем эти «социалисты».

Знакомый путиловцам министр Чернов тоже здесь. Он смотрит сейчас в зал как победитель. Видно, успел забыть про своё постыд-

ное бегство с заводского двора, чувствует себя на этот раз хозяином положения.

Тому есть причины. Удалось устроить так, чтобы на съезде собрались в основном сторонники соглашения с властью. А крупные заводы и фабрики, революционно настроенные солдаты и матросы не получили возможности прислать своих представителей. На тысячу с лишним делегатов всего сто пять большевиков.

Они сидят в середине зала небольшой тесной группой. В скромных гимнастёрках и видавших виды пиджаках, выглядят просто, буднично. «Да, праздника им здесь не дождаться»,— заранее злорадствуют враги. Все доклады предусмотрительно распределены между меньшевиками и эсерами.

Очередной оратор, приняв позу профессора, поучающего учеников, призывал помогать правительству. Лидер меньшевиков Церетели, ставший недавно министром. Он упивается собственным красноречием:

— В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займём ваше место.— В настороженной тишине Церетели повторил: — Такой партии в России нет!

И вдруг из середины зала ему ответил уверенный, твёрдый голос:

— Есть!

Все мгновенно повернулись на этот голос. Кто берёт на себя смелость здесь, на виду у всей России, доказать, что есть такая партия? В группе большевиков поднялся с места Ленин. Он произнёс слово «есть» с такой силой и убеждённостью, как будто за ним стояли сейчас тысячи людей, готовых отстаивать правоту сказанного.

Гром аплодисментов заставил вздрогнуть и как-то съёжиться Церетели на трибуне, высокомерных господ в президиуме. Зал гудел, требуя дать слово Ленину.

И вот он вышел перед всеми, похожий на рабочего, простой и серьёзный,— народный делегат, посланный сюда не красоваться на трибуне, а работать.

Ленин снова спокойно и твёрдо разъяснил, что большевики каждую минуту готовы взять власть целиком. И что первым их шагом был бы арест зачинщиков войны и справедливый мир для народов.

Так Ленин ответил на вопрос, который сильнее всего волновал народ и больше всего требовал ясного ответа: как покончить с проклятой войной?

Надо свергнуть класс капиталистов, потому что именно этот класс заинтересован в войнах. Выход из войны — только в революции. Таким был ответ большевиков.

Владимир Ильич Ленин прочитал с трибуны письмо одного крестьянина, который написал в большевистскую газету:

— «Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет».

Через несколько дней улицы Петрограда снова были затоплены народом. Пятьсот тысяч рабочих и солдат шли под лозунгами: «Хлеба, мира, свободы!», «Землю крестьянам!», «Долой министров-капиталистов!», «Долой войну!».

Мощный, всей России слышный голос в поддержку партии Ленина.

Шли празднично одетые, целыми семьями, с детьми. Подстраивались в такт оркестрам и непреклонно, как клятву, повторяли:

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног...

В толпах трудового люда, заполнившего улицы и площади, обсуждали те же темы, что и на съезде, но только здесь большинство было не у соглашателей.

— Читали в газетах? За три месяца капиталисты шестьдесят тысяч нашего брата рабочих выбросили на улицу. На разруху ссылаются, а сами же её и устраивают...

— По всей России волнуется деревня. Сорок три губернии поднялись. Народ криком кричит: земли! А правительство эту землю иностранцам под шумок распродаёт...

— Три года воюем. Слышно, снова солдата в наступление погонят — разутого, раздетого, голодного. Кончать с этим пора — брать власть в свои руки.

Июнь 1917 года. Лето в самом разгаре. Но в слитной поступи колонн, в гуле встревоженных и решительных голосов, в угрюмом молчании насторожившихся дворцов уже можно расслышать дальние раскаты Октябрьской грозы.

КОЛЯ СВИСТИТ СНЕГИРЁМ

Коля Емельянов был четвёртым сыном рабочего-оружейника с Сестрорецкого завода.

Он жил с родителями на небольшой дачной станции под Петроградом, в доме, окружённом живой изгородью из деревьев и кустов сирени.

Сад этот отец с матерью вырастили на болоте. Ночами, после двенадцатичасовой смены на заводе, возили на тачках песок и землю, чтобы засыпать топь.

Сразу за садом плескалось озеро. К нему вела тропка от дома. Откроешь калитку, отвяжешь лодку — и айда рыбачить. Или в лес на том берегу. Там, на полянах, среди непроходимых чащ, косили душистую траву.

Мальчишки знали в лесу все ягодные и грибные места. Время было голодное, а семья большая — семеро детей. Всякая добавка к семейному столу кстати.

Глубокой ночью, когда ребята на сеновале досматривали третьи сны, их разбудили голоса и какое-то движение внизу. Под сеновалом помещалась летняя кухня и комната, куда семья перебиралась из дома с наступлением жары. Оттуда теперь и доносился приглушённый разговор, раздавались осторожные шаги, звук передвигаемых табуреток.

Братья, пропуская друг друга, степенно, по одному спустились вниз. Их встретил отец, рядом с ним был незнакомый человек. Коренастый, крепкий, просто одетый. Он с нескрываемым интересом следил за появлением младших Емельяновых. В дружеском прищуре глаз было весёлое удивление и некоторое беспокойство.

— Знакомьтесь, Владимир Ильич,— сказал отец.— Мои сыновья. Как видите, российский рабочий если и богат, то только детьми.— Сам смущённо улыбнулся своей шутке и уже серьёзно добавил: — Да вы не беспокойтесь, люди они сознательные, можно положиться.

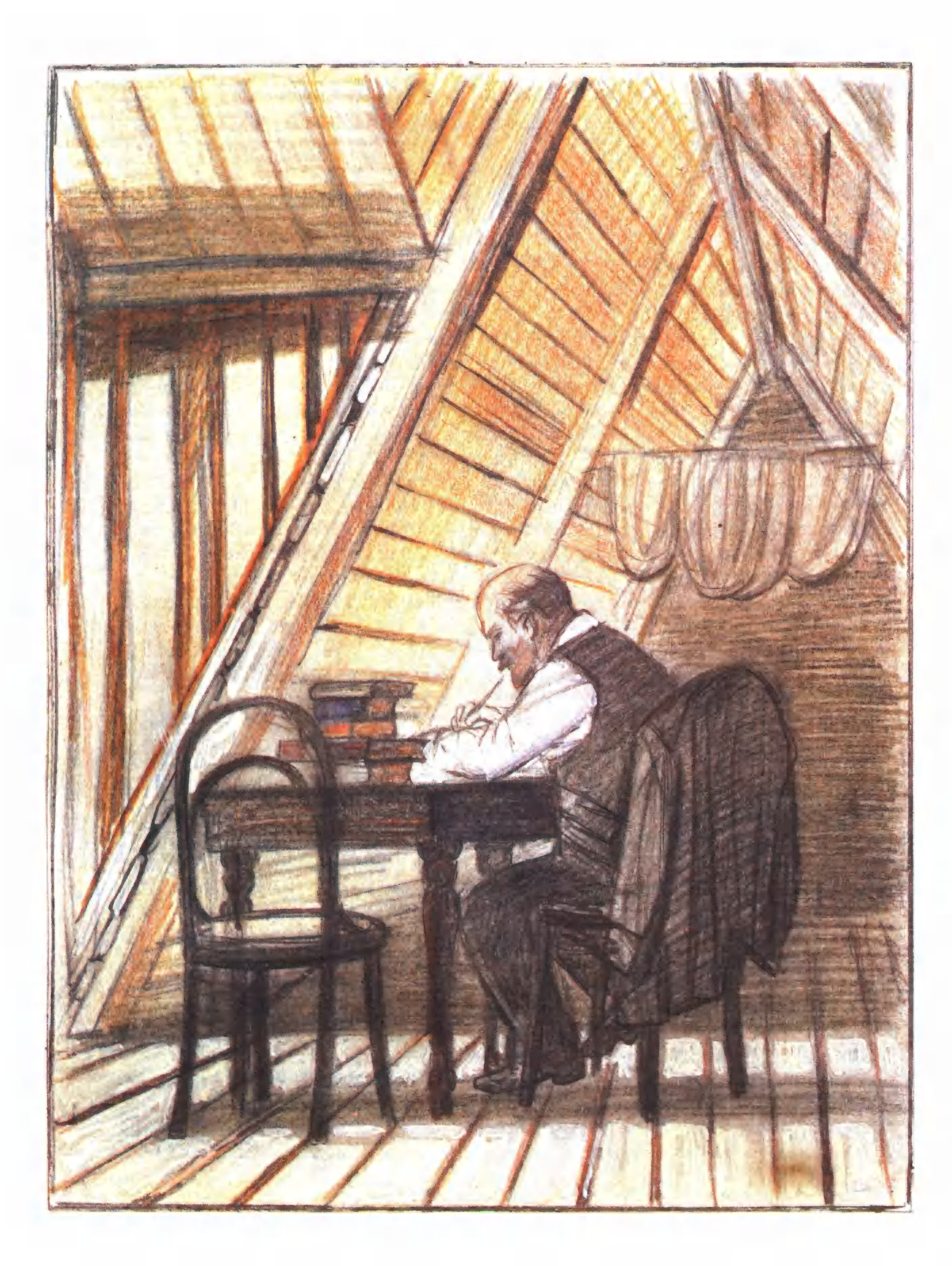
Небо едва начинало светлеть, петухи ещё не пели. Озабоченная мать готовила чай, а отец выглядел так, как будто и не ложился.

За его обычным спокойствием угадывалась взволнованность. Всё это и детей сразу настроило на серьёзный лад.

В рабочем посёлке каждому мальчишке было известно, что за времена на дворе. В Петрограде 4 июля расстреляли пулемётами мирную демонстрацию рабочих и объявили город на военном положении. В Сестрорецке начались аресты большевиков.

Всего три месяца назад заводская делегация выезжала на Белоостров встречать Ленина, когда он возвращался в Россию из Швейцарии. А теперь Ленина повсюду ищут, чтобы арестовать, и тому, кто его выдаст, Временное правительство обещает целое состояние — 200 тысяч рублей золотом. Большевики снова уходят в подполье.

Емельянов-старший тоже большевик. В революции 1905 года он был начальником штаба боевой дружины рабочих. И первый сын его, семнадцатилетний Александр, вступил недавно в партию. Вся семья считала себя революционной дружиной, тревожное время заставило

каждого подтянуться. Даже самый младший — двухлетний Гоша — знал: нельзя говорить с чужими о том, что происходит дома.

А дома у них поселилась в то раннее июльское утро настоящая тайна.

Пришедший с отцом Владимир Ильич остался жить у них. Но об этом не должны были догадываться ни соседи, ни даже родственники.

На чердаке сарая ему поставили стол и стул. Купили побольше бумаги, чернил. Целыми днями Ильич работал, закрывшись. Окон на чердаке не было, свет проникал только через дверные щели.

В сумерках можно было спуститься в сад, тихо пройтись по дорожкам.

В такие минуты у мальчишек обязательно находилось какое-нибудь дело во дворе. Они любили говорить с этим так много знавшим человеком обо всём на свете. И он был с ними серьёзен и доверчив, как с равными. Маленький Гошка по-свойски забирался к нему на плечо.

Наступило время покосов. За озером уже поднялись первые стога сена. Стали и Емельяновы собираться.

Соседям сказали, что надумали покупать к зиме корову. А на самом деле покос понадобился, чтобы увезти Владимира Ильича подальше от сыщиков и любопытных глаз, пока не минует опасное время.

Сняли в аренду участок подальше, привели в порядок косы и грабли. И однажды к вечеру на двух лодках отправились через озеро.

Гость надел парик и облачился в косоворотку — узнать его стало просто невозможно.

Коля сидел во второй лодке, где было сложено немудрёное хозяйство — чайник, котелок, чашки, подушки и одеяла. Ехали всё-таки не на один день.

Жить им с Ильичём предстояло посреди леса. Отец уже соорудил там шалаш, какие обычно ставят рядом со стогом финны-косцы. Они приходят в эти края с севера и нанимаются помогать в летних работах. Так что если кто-нибудь и набредёт невзначай на шалаш — не станет особенно-то приглядываться к незнакомому человеку. Ведь в это время здесь много пришлого люда.

Но случайные встречи мало вероятны. Места безлюдные, дорог почти нет. Добраться сюда можно только по озеру. А для этого надо прежде всего найти лодку.

В лодке на том берегу постоянно дежурили братья Емельяновы. Им был хорошо известен пароль, и без него они никого не переправляли.

Ну а в лесу, на покосе, постоянно находился Коля. Он был разведчиком, дозорным и целыми днями одному ему известными

тропками без устали обходил все ближние и дальние подступы к их шалашу. Если всё было спокойно, Коля свистел снегирём. При появлении постороннего человека Колин свист менялся, предупреждая: тревога!

За свои тринадцать лет он не впервые жил на покосе. Но ещё никогда у него не было такого лета.

Всё казалось ярче, острее — сладкий дух свежескошенной травы и радость вечерней рыбалки, когда они сидели вдвоём у костра и над огнём булькал котелок.

Другим казался лес: он охранял и берёг их от врагов. Иначе шумел в деревьях ветер: в его шуме мог скрываться звук близкой опасности.

Мальчику передалось напряжение и сосредоточенность взрослых, которые жили в эти дни так, как будто готовилось какое-то огромное, главное дело. Казалось, что тревоги и заботы целого мира собрались на этой укромной поляне, у берега ничем не знаменитого озера.

Здесь, в разросшемся ивняке, днями напролёт, устроившись на чурбачке, писал и писал что-то Ильич, заглядывая изредка в синюю тетрадку. Спокойный, бесстрашный человек, ставший таким близким. Вся их семья жила теперь одним — сохранить его от врагов и помогать ему во всех делах, как можно скорее и незаметнее передавать в надёжные руки исписанные стремительным почерком листки.

Газеты для Владимира Ильича покупали все, какие можно было достать. Ездили за ними на соседние станции, чтобы не вызвать подозрений. Отец с какой-то особой гордостью находил и прочитывал статьи, созданные в «зелёном кабинете» — так между собой называли Емельяновы укромное место на покосе среди разросшегося ивняка, с двумя чурбачками, заменявшими стол и стул.

Какой всё-таки сложный и опасный путь совершало отсюда ленинское слово! Из «зелёного кабинета» верные руки передавали его в Питер. Там оно стучалось в двери законспирированных редакций, с большими сложностями превращалось в газетные строчки и шло потом к людям, невзирая на все запреты и преследования: правительство снова объявило войну большевистской печати.

На покосе газетные новости часто обсуждали все вместе. Из них узнавали, что поиски Ленина возглавил командующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцев. Тот самый, что в июле отдал приказ расстрелять мирную демонстрацию, разоружить революционных солдат. А дело в суде поручили вести известному царскому тюремщику прокурору Александрову. Не суд готовится, а расправа,— это ясно.

Поэтому враги и стараются так озлобить обывателей против большевиков и без всякого стеснения пускают в ход клевету, дикие

небылицы. Будто тот, кого они ищут, уплыл на подводной лодке, улетел на аэроплане через Финляндию в Германию и помогает там немцам воевать против России. Или что он скрывается среди кронштадтских моряков... По следу пропавшего пустили знаменитую собаку-ищейку. В магазинах запретили продавать парики без предъявления удостоверения личности. Однажды появилось сообщение, что 50 офицеров ударного батальона дали клятву найти Ленина или умереть.

Ильич и негодовал, и смеялся. Вся эта травля была от бессильной злобы. Рабочие охраняли его и берегли. Правительство понимало, что просчиталось и никакие деньги тут не помогут.

В последнее время появились слухи, будто Ленин работает на Сестрорецком заводе слесарем...

Опасность была всё время рядом.

Чуть не каждый день через озеро с большими предосторожностями переправлялись связные. Коля быстро стал узнавать тех, кто бывал чаще других. Невозмутимого, в белом полотняном костюме и золотом пенсне — ни дать ни взять состоятельный дачник! — Александра Васильевича Шотмана. По-южному открытого, весёлого Серго Орджоникидзе... Наведывались Дзержинский, Свердлов.

Владимир Ильич ждал своих товарищей, подолгу говорил о том, что творится в Питере, о настроениях рабочих и солдат.

Коля, конечно, не участвовал во взрослых разговорах, но от него и не закрывались, как от постороннего. Он был свой, он тоже помогал делу, ради которого все эти люди жили, работали и рисковали собой.

Однажды, когда Ильич совещался с навестившими его друзьями и у них начался какой-то спор, к шалашу подошёл Колин отец.

— Давайте спросим у рабочего,— сказал Владимир Ильич.— Как вы думаете, Николай Александрович, сможем мы взять власть этой осенью?

— Возьмём,— сразу и без колебаний ответил отец. Этот вопрос уже не раз обсуждался с ним и, видно, был хорошо обдуман.

Разговор пошёл о том, что самое трудное, взяв власть, удержать её и потом перестроить жизнь по-новому.

Пятеро большевиков, собравшихся тайком в лесу после тяжёлых ударов по партии, говорили о близкой революции. Они верили в неё и уже отчётливо видели время, когда всеми делами в стране станут управлять сами рабочие и крестьяне...

Коля не знал, что как раз в эти дни партия большевиков нелегально проводила свой съезд, на котором призвала народ готовиться к вооружённому восстанию. И что Владимира Ильича Ленина назвали на этом съезде вождём партии.

Мальчишке не приходило в голову, что уже сейчас решается, каким будет будущее — его и миллионов таких же, как он, ребят.

У него в это время было множество срочных забот. Стало известно о новых арестах на Сестрорецком заводе. По ночам слышны стали близкие выстрелы. Против рабочих-оружейников двинули войсковую часть и теперь ночами прочёсывали окрестности в поисках спрятанного оружия.

Приходилось быть всё время начеку. Переправлялись с того берега люди, знавшие пароль, и Коля свистел снегирём, предупреждая Ильича: идут свои.

ТРАМВАИ НА ЛИНИЮ НЕ ВЫШЛИ

12 августа для москвичей началось по-разному.

В богатых домах с утра поздравляли друг друга, доставали лучшие наряды, готовили пышные букеты. Как будто пришёл долгожданный праздник.

В рабочих кварталах заканчивались последние приготовления к всеобщей стачке.

Город был взбудоражен громкими событиями. В Большом театре открывалось Государственное совещание. Его устроил новый председатель Временного правительства Керенский.

В древней русской столице, подальше от неспокойного Питера, собрали всех, кто рвался остановить приближавшуюся революцию. Прибыли генералы и казачьи атаманы, богатейшие помещики и владельцы самых крупных банков и заводов. С часа на час ждали приезда из Ставки в Могилёве самóго Верховного главнокомандующего генерала Корнилова. Зная жестокость его по отношению к народу, контрреволюционеры видели в нём «спасителя России».

При встрече Корнилова на Александровском вокзале офицеры под рёв беснующейся толпы вынесли его на руках к автомобилю.

Разодетые в пух и прах дамы бросали под ноги генералу цветы, а миллионерша Морозова упала перед ним на колени.

Чего же так ждали все эти господа от Государственного совещания?

Они хотели, чтобы жизнь вернулась назад, к прежнему. Чтобы крестьяне не смели больше требовать помещичьи земли, а рабочие перестали возмущаться своим тяжёлым положением. Богатым людям нужна была власть, которая смогла бы расправиться со всеми бунтовщиками.

Генерал Корнилов очень подходил для этой роли. Он обещал установить военные порядки по всей стране и ввести смертную казнь для непослушных не только на фронте, но и в тылу.

А эсеры и меньшевики, в который раз предавая народ, поддержали эту программу.

Но в тот самый день, когда открывалось совещание заговорщиков, рабочие решили высказаться тоже. Да так, чтобы их услышали не только в Большом театре, но и по всей России.

Патрули казаков и юнкеров ещё не успели оцепить Театральную площадь в центре Москвы, а тысячи людей в рабочей одежде уже встали в пикеты у ворот заводов, фабрик, мастерских. Жизнь в городе замерла. Закрылись типографии и почты, не работали магазины и рестораны. Почтальоны, продавцы, официанты и даже извозчики выступили вместе с рабочими.

В молчании опустевших центральных улиц чувствовалась затаённая угроза.

Зато рабочие окраины бурлили митингами.

В трамвайном парке Хамовнического района, как обычно, к началу утренней смены собрались вагоновожатые, ремонтники, кондукторы. Стояли группами, ждали. Из конторы должен был вот-вот появиться дежурный мастер. Даст ли он команду к выезду вагонов на линию?

Со вчерашнего дня было известно, что большевики призвали остановить работу городского транспорта, и все трамвайные парки Москвы готовились к забастовке.

А городская дума разослала делегатам совещания специальные пропуска для беспрепятственного проезда на передних трамвайных площадках.

Как же теперь всё получится? Ведь среди рабочих-трамвайщиков есть не только большевики.

Вот уже собрались отдельной кучкой эсеры — видно, затевают что-то. Неужели им удастся сорвать выступление?

Сегодня дежурит мастер Лукин. Как он поведёт себя? Трудно предсказать. Человек он замкнутый, держится от всех в стороне. Рабочих, правда, никогда не обижал.

Ему навстречу решительно поспешил один из вагоновожатых — большевик Лебедев. Поздоровался и очень вежливо объяснил, что сегодня рабочие Москвы бастуют. Это протест против контрреволюционного заговора.

Лукин нахмурился и несколько мгновений раздумывал. Эти мгновения показались очень длинными. Наконец он проговорил:

— Если рабочий класс решил... Выезжать на линию не будем.

После ухода мастера разошлись и рабочие. А вагоны остались в парке.

В это время пришло известие, что в Миусском районе кое-кто всё-таки вывел трамваи в город. Как остановить их? Ведь маршрутов много, где теперь вагоны — неизвестно.

И тут появилась прекрасная идея — срочно связаться с электростанцией.

В то утро весь обслуживающий персонал электростанции тоже бастовал. На месте был лишь один дежурный, чтобы следить за сохранностью имущества. Вот ему-то и посоветовали немедленно выключить ток.

— Как так выключить? Такого решения не было.

— А если в Миусском парке оказались такие недотёпы, что вышли на линию?

Узнав, что забастовка может сорваться, дежурный, не раздумывая больше, рванул рубильник.

В ту же секунду всё, что двигалось силой тока, замерло.

Не было ещё и десяти часов утра. Вагоновожатые выходили из трамваев и, не решаясь оставить свою технику без присмотра посреди улицы, стояли растерянно и виновато на виду у всех.

Так и простояли целый день. И делегатам Московского совещания не пришлось воспользоваться своими специальными пропусками для проезда на передних площадках. Пешком добирайтесь, господа хорошие!

На следующее утро стало известно, что в Москве бастовало почти полмиллиона тружеников. Это было грозное предупреждение генералу Корнилову и его сторонникам. Они поняли и побоялись сразу привести в исполнение свой план — железом и кровью расправиться с народом. На время затаились.

«Пусть узнает вся Россия,— писала большевистская газета «Пролетарий»,— что есть ещё на свете люди, готовые грудью отстаивать дело революции. Москва бастует. Да здравствует Москва!»

После этих событий в Хамовническом районе почти втрое вырос приток в партию большевиков.

ПИСЬМА С ФРОНТА И НА ФРОНТ

На русско-германском фронте крестьяне и рабочие в солдатских шинелях по-прежнему голодали и мёрзли в окопах, гибли от пуль и снарядов. Правительство не думало о мире, а прикидывало, как бы подольше удержать на войне человека с ружьём, не дать ему повернуть оружие против своих врагов в самой России.

Запретили солдату газеты большевистские читать, митинги устраивать, агитаторов слушать. Сидит он в своём окопе, как на острове, затерянном посреди бескрайнего моря кривды и горя людского.

Остров? Но пока ещё не запретили письма из дома получать и отвечать на них. Есть тонкий мосток к оставленной хате, к односельчанам и родным, которые бьются с нуждой одни, без кормильца...

Каждый день миллионы бумажных листков, неумело исписанных не привыкшими к перу руками, устремлялись на фронт и с фронта. А в листках тех — вся правда о жизни. Та самая, которой так боялись правители страны.

Получил солдат весточку от близких, собрался читать, а ему кричат со всех сторон:

— Вслух давай! Нам тоже интересно.

И собираются вокруг письма, как вокруг костра. Что там пишут из далёкой российской губернии?

«В деревне у нас всё по-старому. Земли ни крошки не добавили мужикам, а кто сам покусился, того заарестовали, в тюрьму потащили. Из соседнего села девчонка прибежала, вся как есть в синяках, плачет, аж трясёт её. У них там пять дней избивали народ: говорят, кто-то взял себе дров в лесу у помещицы.

Из города навезли к нам ораторей — тех, что говорят всё против мужиков. Знай твердят, что скоро будет какое-то Учредительное собрание и тогда наш вопрос с землёй решится. Они уговаривали не голосовать за большевиков, потому, дескать, что не признают они бога и собственности. И ещё говорят: «Разве можно брать у помещиков землю даром? Так некультурный народ только поступает. Если помещик и даст вам от щедрот своих, так надо будет уплатить ему деньги». Вот и весь у них сказ.

А мы себе думаем: где же те гроши взять? И на кой нам такая свобода, если снова помещику платить? Да разве наши прадеды и деды не откупили пóтом и кровью каждую пядь землицы русской?»

Слушают солдаты, и каждый о своём думает. Зажигается в сердце горечь, обида. Почему такой обман кругом? Кто больше всех на земле спину гнёт, тому земли не дают. Бедняков гонят на фронт, они нужны в окопах — чтобы защищать то, что им не принадлежит, чужие земли, чужие фабрики.

Голубоглазый молодой солдатик толкает соседа:

— Вот ты — питерский, лучше разбираешься. Скажи, какая программа насчёт земли и прочего у большевиков?

Оглянулись, нет ли поблизости начальства, сдвинулись вокруг рыжеусого в потрёпанной шинели.

— Большевики хотят отобрать всю землю у помещиков, передать её крестьянам бесплатно. И лесом не помещик должен распоряжаться, а государство. Понял? В городе заводами чтобы сами ра-

бочие управляли. Одним словом, всю власть — тем, кто больше всех работает в государстве.

— Так то правильно, браток, то по-нашему,— радостно кивает голубоглазый и переводит на самое жгучее для всех: — Надоело за чужое добро здесь околевать.

Опасный разговор на этом обрывается. Скоро заступать в караул. Пока есть время, берётся отписывать домой счастливчик, получивший письмо.

«У меня здесь тоже всё как раньше. Погода плохая, дождь, а сапоги прохудились давно. Да и шинелишка приходит в негодность. Ну, даст бог, до холодов вернусь. Недавно были мы в деле, и наших многих побило. Сам только контузию получил, голова теперь болит, а так руки-ноги целы. Очень за вами соскучился, ребятишек во сне вижу. Приду домой — тогда разберёмся со всеми делами».

Не мог солдат написать подробней, времени у него мало, службу надо нести. Да и зачем про тяжёлое родным знать? Им и так несладко.

Ну, а если бы и захотел когда-нибудь всё рассказать, так где служивому взять слова? Про то, как трое суток не смолкала артиллерийская канонада, даже воздух раскалился и собственного голоса не было слышно. А потом их полк послали в наступление...

В первую линию вражеских окопов уже ворвалась команда разведчиков, схватились врукопашную, всё решалось! И в этот самый момент замолчала, как по команде, наша артиллерия. Цепи наступающих остались без огневой поддержки. По окопам покатилось короткое и страшное: «Измена... Измена!»

Почти никто из команды отважных разведчиков не остался в живых. А были там лучшие люди — крепкие в бою, надёжные в самом трудном деле. Все полегли на той первой линии немецкой обороны.

Потом артиллерия всё-таки заработала, и пехота снова пошла по приказу вперёд. Взяли и вторую, и третью линию, захватили батареи полевых орудий, много пленных — прорвали фронт! Победа на этом участке казалась близкой.

Но снова полк сражается один, он истекает кровью без поддержки. Редеют цепи смельчаков, где было десять — уже дерутся только двое.

Помощь так и не пришла. Поздно вечером передали приказ: отойти на исходные позиции.

Полковник, уважаемый всеми командир — две войны за плечами,— не сдержал гневного:

— Зачем, во имя чего положили мой полк?!

Скоро стало известно, что за операцию получил награду тот самый генерал, который отдал преступный приказ прекратить огневую поддержку наступающим, а затем оставил полк истекать кровью.

Чем заслужил генерал награду от командования? Тем, что помог уничтожить соединение русской армии, в котором было слишком много «смутьянов». Полк состоял в основном из петроградских рабочих, сознательных крестьян и поддерживал большевиков.

Всё черней за спиной у воюющих вырастало предательство.

Генерал Корнилов грозил русской армии расстрелами и виселицами за непослушание. А в это время из тыла шли вести, одна другой мрачнее и непонятнее.

В Петрограде, на Малой Охте, за три часа сгорело четыре завода со снарядами. (А на фронте снарядов не хватает катастрофически!)

В Казани сгорел пороховой завод и военные склады, уничтожено двенадцать тысяч пулемётов. (А русскую пехоту посылают на укрепления врага с одними штыками!)

В Москве горит Прохоровская мануфактура, откуда поставлялось сукно для армии. (В это время армия замерзает в окопах, не получая обмундирования!)

Предательство созрело. Ставка Верховного главнокомандующего Корнилова отдаёт тайный приказ открыть немцам дорогу на Петроград. 21 августа врагу была сдана Рига.

Справедливого мира захотели? Чтобы вернувшаяся домой армия помогла большевикам взять власть? Нет, уж лучше немцы, чем революция. Так думали заговорщики.

Даже офицеры открыто заговорили об измене в штабе армии и в правительстве. Командир того расстрелянного полка и весь его унтер-офицерский состав — сплошь георгиевские кавалеры — вслед за рядовыми тоже примкнули к большевикам.

Таких «красных полков», как их тогда называли, становилось всё больше. Они встали на пути у корниловского мятежа.

Пехота, артиллерия и кавалерия перехватили шоссейные дороги на Питер. За войсками, верными делу народа, позиции занимала Красная гвардия — вооружённые рабочие. Кому оружия не хватило, те рыли окопы и ставили проволочные заграждения у самого города. Восемь тысяч путиловцев готовились к бою на Пулковских высотах.

А предатель-командующий снимал войска с фронта и направлял их на разгром Советов в Петрограде и Москве. Третий конный корпус генерала Крымова вместе с кавказской «дикой» дивизией, входившей в его состав, двинулся в эшелонах против большевистского петроградского гарнизона. С гиком и свистом неслись из теплушек казачьи песни во славу царя-батюшки.

Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв монарха он...

Но очень скоро эшелоны стали замедлять свой бег, всё чаще останавливаться. Пути перед ними были забиты порожними составами. Паровозы на станциях стояли без пара, с потухшими топками. А дальше — ещё хуже: разобрано железнодорожное полотно, сняты рельсы. Железнодорожники встали в общий строй защитников революционной столицы.

Навстречу казакам и кавказцам большевики послали сотни лучших агитаторов, в том числе солдат.

— Вы хотите мира, земли и свободы? — говорили солдаты обманутым казакам.— И мы хотим того же. Так кому нужна драка между нами? Вас хотят натравить на братьев.

Конный корпус повернул обратно, на фронт. Генерал Крымов застрелился.

В письмах на фронт с каждым днём всё чаще повторялось:

«Когда же вы вернётесь? Бросайте воевать, втыкайте штыки в землю. Дома такие дела! Ждём и надеемся».

В письмах с фронта отвечали:

«Надейтесь, поможем. Но только винтовку рано бросать. Оружие нам ещё пригодится».

РЕВКОМ В ТАШКЕНТЕ

Главные события происходили, конечно, в главных центрах России — Петрограде и Москве. Там в то время была основная сила революции — сотни тысяч организованных рабочих. И там же сосредоточились их главные и самые сильные враги — крупнейшие фабриканты и банкиры, владельцы почти всех национальных богатств страны, в том числе и русский царь со своим многочисленным семейством.

В столичных городах волны политических бурь всегда круче и выше. Но революция касается всех, она вторгается в каждый дом и связывает воедино даже самые отдалённые окраины.

Во всех концах России народ не хотел больше мириться с несправедливостью и притеснениями. В каждом городе и в каждой деревне яростно звучали новые слова — «Советы», «комитет», «большевики»...

Город Ташкент был тогда центром Туркестанского края — огромной территории России в Средней Азии. Осенью 1917 года в Ташкенте, как и в Петрограде, не хватало хлеба, и длинные очереди выстраивались у хлебных лавок ещё с ночи.

В город со всех сторон шли крестьяне из разорённых засухой кишлаков. Но власти не собирались помогать голодным. Бездомные,

обессилевшие люди ютились на улицах и базарах, просили милостыню, погибали от болезней и недоедания.

Что же это за власть такая? Царя свергли, а жизнь не меняется — никакого просвета не видно!

На сонные улицы, где жили богатеи, в грязные кривые закоулки, где теснились лачуги бедноты, выплеснулся грозный голос протестующих:

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!..

С красными знамёнами шли на городской митинг рабочие железнодорожных мастерских, солдаты запасных сибирских полков, расквартированных в Ташкенте. Внушительной колонной двигались работники хлопковых заводов.

В Александровском парке собрались тысячи горожан. Вездесущие ребятишки вскарабкались на деревья, чтобы лучше видеть и слышать. Ведь такие митинги не каждый день происходят, не пропустить бы чего.

А взрослые, забыв всякую степенность, горячились и спорили так, словно от них зависело, взойдёт ли завтра снова солнце.

Они говорили, как сделать, чтобы всем хватало хлеба, работы и чтобы крестьяне не умирали от голода прямо на улицах Ташкента. Народ своими руками добывает столько богатств — пора делить их между всеми по справедливости.

Даже детям было понятно, что это хорошие, правильные слова.

Но какой-то гражданин в пенсне и френче с карманами — такие френчи теперь носили начальники — никак не соглашался с другими.

— Это произвол! — кричал он.— Надо подчиняться Временному правительству, надо соблюдать его законы...

Он жужжал и жужжал, как злая осенняя муха, пока на трибуну, составленную из двух столов, не влез солдат. Видно было, что солдат рассердился.

— Когда мы в феврале сбросили с трона царя, так никого не спрашивали, законно это или незаконно. Народ поставил временную власть. А теперь народ её снимает. Хватит! Посмотрели, разобрались. Всё вполне законно, гражданин меньшевик.

Так сказал солдат. И после этого все стали голосовать и постановили не подчиняться прежней власти, а выбрать для управления жизнью по-новому свой революционный комитет. Сокращённо — ревком.

Что творилось в Александровском парке, когда принимали наказ ревкому! Люди кричали от радости, обнимали друг друга, а шапки летели так высоко, что некоторые зацепились за ветки — и пришлось их потом оттуда доставать.

Девять пунктов было в наказе, и каждый стоил дороже, чем всё золото баев, всё награбленное ими богатство,— не откупить им, если даже захотят.

Отдать землю дехканам. Забрать банки у банкиров. На фабриках и в мастерских самим рабочим установить свой рабочий порядок...

На весь Ташкент разносились слова, которые ещё недавно не смели произносить вслух:

— Всю власть надо передать рабочим, крестьянам и солдатам.

К вечеру в Ташкент прибыл командующий военным округом Черкес и приказал арестовать ревком. Но собравшийся у городского Совета народ отбил своих избранников и начал разоружать враждебно настроенные воинские части.

Командующий округом сам оказался под арестом у новых хозяев города. Они же позаботились, чтобы у почты, телеграфа и центральной телефонной станции были выставлены караулы революционных солдат.

Временное правительство было очень обеспокоено. Оно направило в Ташкент на помощь своим Сызранский полк с броневиками. Но уже по всем городам Средней Азии катилась волна поддержки Ташкенту. Бастовали Наманган, Коканд, Андижан, Самарканд — солидарность рабочих шла быстрее броневиков.

А из Ташкента навстречу Сызранскому полку послали двух большевиков. Надо было объяснить солдатам, что происходит в городе. Оказывается, командование изобразило дело таким образом, будто в Ташкенте власть захватили бандиты, начались грабежи, убийства и надо срочно защитить население.

Полковой комитет в обстановке разобрался.

Сызранский полк вошёл в город с развёрнутым Красным знаменем и у Дома свободы, где заседал Ташкентский Совет, приветствовал народных избранников: «Да здравствует власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!»

Этот лозунг всё громче раздавался по всей России.

Капиталисты, словно сговорившись, закрывали предприятия и выбрасывали рабочих на улицу. Миллионер Рябушинский открыто призывал владельцев капитала схватить революцию за горло и задушить её костлявой рукой голода.

На эту угрозу труженики ответили решительными действиями. Рабочие не давали останавливать производство. Они устанавливали свой контроль на заводах и фабриках Урала, на рудниках Донбасса, в Петрограде и Москве. Ивановские текстильщики выгнали хозяйских служащих, взяли у них ключи от всех помещений и стали сами управлять ткацкими фабриками.

Крестьяне с наступлением осенней страды брали в свои руки уборку урожая в помещичьих имениях, где хозяева тормозили работу. Сельские сходы выносили свои постановления:

«Поскольку помещик хлеба не убирает и всё гниёт на полях, а хозяин не принимает мер и только старается помешать работе, сход избрал комиссию крестьян и поручил им взять в свои руки уборку хлеба и руководство всем хозяйством — на благо государства».

В деревне знали, что рабочие и солдаты на фронте голодают. В Петрограде и Москве хлебный паёк уменьшился до 200 граммов в день и запасов хлеба осталось меньше чем на месяц. Перед миллионами людей в городе и в деревне стоял выбор: погибнуть или изменить всю жизнь в стране.

Наступил сентябрь. Последний и решительный бой был уже совсем близко.

ПРИЗВАН ЗАЩИЩАТЬ

Путь из госпиталя до райкома партии был хорошо известен. Заявление в Красную гвардию на имя секретаря райкома лежало в кармане шинели. Бывшему фронтовику, получившему после ранения длительный отпуск, не терпелось поскорее взяться за настоящее дело. Не такое время, чтобы отсиживаться в тихом месте, вспоминать былые атаки да на раны свои дуть.

Здесь, в тылу, тоже шла война. Наслушался в госпитале, насмотрелся. На фронте уговаривают отечество оборонять, а дома морят голодом детей фронтовиков, пускают по миру их семьи.

Нет, уж, видно, по доброй воле буржуи не станут хорошей жизнью с народом делиться — будет большая драка. А в драке побеждает тот, кто умеет за себя постоять.

Ещё в окопах фронтовик не раз слышал от большевиков, что победа в революции зависит от дружбы солдата с рабочим. Это и жизнь подтверждает. Когда Корнилов поднял мятеж, открыл фронт — рабочий собой закрыл Петроград, встал плечом к плечу с солдатом.

А теперь на заводах организуются вооружённые отряды и дружины для отпора любым врагам революции. Так кто же, если не солдат, поможет рабочему?

В райкоме партии прочли заявление, спросили:

— А кто за вас поручиться может? Мы записываем по рекомендации двух красногвардейцев. Правильно, дело наше добровольное, для всех хороших людей открытое, а без проверки — нельзя.

В комнатке райкомовской было много народа. К разговору с парнем в шинели прислушались, подошли поближе.

— Смотрите, так то ж знакомый хлопец, боевой товарищ! Был с нами на июньской демонстрации,— раздались голоса.

— Знаем его, ручаемся, записывай,— поддержали рабочие, сидевшие за столом рядом с дежурным.

И уже на следующий день в штабе Красной гвардии фронтовику поручили командовать десятком новичков. Все отряды были разбиты на десятки и сотни. А всего в такие отряды записалось по России двести тысяч защитников революции — целая армия.

Так пришёл в ряды вооружённого народа и одесский большевик Ядров, один из этих добровольцев.

В его группе были и совсем молодые, безусые парнишки, и пожилые отцы семейств. Когда они ровняли строй — а одежда на всех была обычная, гражданская,— в глаза особенно бросались промасленные рабочие тужурки. Их было больше всего. После смены, прямо из цехов, приходили учиться военному делу самые сознательные и стойкие пролетарии.

Учения проходили три раза в неделю в парке у моря. Подальше от жилья и улиц. Инструктор, старый солдат из запасного полка, терпеливо преподавал своим ученикам науку военной дисциплины и выносливости. Учились быстро падать по команде «Ложись», ползти, прижимаясь к земле, чтобы перехитрить вражескую пулю, метко стрелять.

Для стрельбы в цель сначала ставили вместо мишени большой арбуз. Потом перешли на папиросные коробки. Некоторые до того наловчились, что за пятьдесят шагов попадали даже в трёхкопеечную монету.

Оружия было мало. У кого старая берданка, у кого маузер, а у кого и вовсе только палка. А ведь красногвардейцы охраняли заводы и фабрики, следили за порядком в городе. Случись какая заваруха — народ бежал за помощью в штаб Красной гвардии.

Так, например, стало известно о подозрительных собраниях в богатом особняке госпожи Пуансе, сестры известного всей стране черносотенца. Чёрными сотнями народ прозвал банды погромщиков. Их руками расправлялись с передовыми людьми и организациями, неугодными правительству. Черносотенцы были злейшими врагами революции. Они-то и готовили теперь заговор.

Красногвардейцы выследили заговорщиков и всех арестовали.

А вскоре удалось сорвать ещё одно опасное дело. Общество религиозных проповедников готовилось провести по улицам крестный ход. Под его прикрытием собирались устроить погром, вызвать беспорядки в городе. Красногвардейцы вовремя узнали об этом и прислали вооружённый патруль. Он сопровождал шествие,

внимательно наблюдая за передвижением. Проповедники поняли, что их план раскрыт.

Оружие было необходимо, но добывать его рабочим приходилось самим. Помогали железнодорожники, большевики из полковых комитетов. Как-то из пулемётного полка передали сто с лишним пулемётов. Один раз красногвардейцы сами разоружили контрреволюционно настроенную роту.

Когда пришёл час, Красная гвардия сказала своё слово. И оно было подкреплено не только стальной убеждённостью, но и огневой силой оружейных и пулемётных стволов.

Так было в Одессе, во Владивостоке, Екатеринбурге, Москве и Питере. В шестидесяти двух городах России рабочие отряды встали на защиту дела народа.

В памятке «Что должен помнить каждый красногвардеец» говорилось, что вооружённая рабочая гвардия есть средство защиты всех угнетённых капиталом граждан от гнёта, насилия и произвола буржуазии. Красногвардеец не может требовать для себя вознаграждения и должен помнить, что́ он призван защищать.

КРОНШТАДТ ИДЁТ

Посреди Финского залива, на острове Котлин, стоит город-крепость Кронштадт. Мимо него в Петроград не пройти незамеченными вражеским эскадрам. Кронштадт, как часовой, охраняет с запада морские подступы к столице государства.

Не было в царской армии службы тяжелее, чем флотская. Не потому только, что море всегда требовало от людей особой строгости и огромной выучки. Царская власть добавляла от себя испытаний служивому, не считая его человеком. Крепость на море была превращена в настоящую тюрьму для матросов.

По усмотрению начальства отменялись даже редкие увольнительные на берег, даже почту доставлять запрещали. Куда матросу деться? Кругом море.

С утра до вечера — вахты, караулы, занятия. От того, кто на кораблях плавает, требуется знать досконально шлюпочное, парусное и гребное дело, разбираться в сложных машинах. А редкие свободные промежутки заполнялись бессмысленной муштрой.

Полуграмотный фельдфебель заставлял новобранцев зубрить наизусть дни именин всех «высочайших» особ царствующего дома Романовых и без запинки произносить бесконечные титулы государя императора всероссийского, царя Польши, великого князя финляндского, и так далее, и тому подобное...

Перед сном на ежевечерней поверке смертельно уставших матросов выстраивали перед иконой для молитвы. И если у фельдфебеля было плохое настроение, он по десять раз заставлял начинать молитву сначала:

— Я вас, черти полосатые, выучу господу богу молиться!

Приучали к тупому повиновению, старались выбить из головы подчинённых вольные мысли: хорошо помнили, к чему приводит непослушание. В 1905 году кронштадтский гарнизон поднялся против самого царя. Бунтари тогда пошли на каторгу, а кто и на казнь.

— Я вас научу!..

И старый служака с удовольствием вспоминал, как сам возил новобранцев на смотр в Царское Село. И там самодержец Российский Николай II, обходя строй в мундире капитана первого ранга, кричал:

— Здорово, молодые матросы!

А матросы в ответ громыхали на одном дыхании, как их учили изо дня в день целых полгода:

— Здрав... жел... ваш... имперличество!!!

...Недавно это было, а куда ушло? Настали в Кронштадте другие времена, и, как волной штормовой, смыло прежнее.

Когда Николаю II дали в феврале отставку, кронштадтские матросы и солдаты устроили на Якорной площади народный суд. Адмиралам и генералам, которые больше всех издевались над подчинёнными, вынесли смертный приговор,— отомстились им многолетние страдания простых людей.

Тогда же Петроградский Совет по требованию рабочих и солдат издал знаменитый приказ № 1. Этим приказом отменялись царские порядки в армии и на флоте. Над генералами и офицерами народ поставил для контроля выборные комитеты.

Фельдфебелю теперь не разгуляться. Не стало смотров и парадов. Того и гляди, в действующий флот угодишь. А это не шутка. Вокруг острова шныряют немецкие подводные лодки. Враз на торпеду наскочишь да и пойдёшь на дно рыб кормить.

Притихли те, кто совсем недавно рвал глотку и помыкал низшими чинами. Другие голоса стали слышны.

Ревел над островом Котлин гудок, созывал население Кронштадта на Якорную площадь.

Кого только не перевидала эта площадь с февраля 1917 года!

Здесь стоял на коленях генерал Корнилов, клялся перед матросами верой и правдой служить революции. Очень хотелось генералу уговорить служивых людей идти за ним на войну и, не размышляя, жертвовать жизнью ради его, генеральских, интересов. Но площадь угрюмо и недоверчиво молчала...

Здесь, не жалея красноречия, добивались поддержки матросов министры Временного правительства. Но Кронштадт отказался при-

сягать на верность временщикам. Не поверил он и меньшевикам с эсерами.

Сюда пришёл по поручению Петроградского комитета большевистской партии Иван Петрович Флеровский, профессиональный революционер, которого знали во многих российских городах. Пришёл и остался работать: Кронштадт признал в нём своего комиссара.

От Якорной площади кронштадтцы уходили в апреле встречать Ленина на Финляндском вокзале. Здесь в июле было решено вывести на улицы Питера вооружённых матросов, чтобы поддержать требования большевиков «Вся власть Советам!». И когда мирную демонстрацию начали косить из пулемётов, балтийцы прикрыли собой безоружных рабочих и женщин с детьми.

После июльского расстрела на Якорной площади начали проводиться занятия, которых никогда прежде не было у матросов: как вести бой с противником на городских улицах. Кронштадтцы готовились по первому зову партии выступить с оружием в руках на помощь рабочим Петрограда.

Вот вам и остров!

Владимир Ильич Ленин, разрабатывая детальный план вооружённого восстания, назвал Кронштадт, его участие в будущих боях, одним из решающих условий нашей победы. Вместе с рабочими столицы и её Красной гвардией солдаты Петроградского гарнизона и матросы-балтийцы стали главной силой революции.

По замыслу военного искусства крепость Кронштадт выдвинута навстречу опасности, чтобы грудью встречать любой шторм, принимать на себя первый удар.

Моряки Кронштадта встали на первой линии борьбы за освобождение народа. Этот город намного раньше других, ещё в мае 1917 года, установил у себя Советскую власть. И подготовку к вооружённому восстанию в Петрограде здесь тоже начали, не дожидаясь других.

Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов образовал специальную комиссию для подготовки к восстанию. Эта комиссия называлась военно-технической, потому что занималась не разговорами, а практическими делами. Готовили людей и десантные средства для высадки в городе, обучали гранатомётчиков, проверяли надёжность команд на кораблях.

20 октября в Смольный прибыли два посланца из Кронштадта.

В просторном здании, где ещё недавно размещался закрытый институт для дочерей дворян и чинно прогуливались по коридорам девицы в форменных платьях, теперь кипел людской водоворот — вооружённые красногвардейцы, связные, озабоченные комиссары со срочными бумагами... Все кого-то искали, куда-то спешили, как будто вот-вот раздастся последний звонок и надо успеть до него очень много сделать. Здесь работал штаб восстания.

С трудом удалось разыскать дежурного в накинутой наспех шинели и смятой солдатской папахе. Показали свои мандаты и объяснили, что хотят говорить с Военно-революционным комитетом.

— Вот вам телефон, звоните, договаривайтесь.

Когда в трубке раздался быстрый, чёткий голос, звонившие коротко объяснили:

— Мы из Кронштадта.

— Получите адрес у дежурного и приходите немедленно! Жду.

Делегатов Кронштадта встретил Яков Михайлович Свердлов. Он был в солдатских сапогах и аккуратно заправленной гимнастёрке. Протянул худую и сильную руку, сразу спросил, как обстоят дела в крепости.

— Мы готовы и ждём приказа. Кронштадтский Совет поручил нам узнать точную дату.

Яков Михайлович выжидающе молчал, но в глазах у него что-то блеснуло.

— Дату, когда двинем на Временное правительство,— договорил один из пришедших.

Было видно, что Свердлова эта просьба и обрадовала и озадачила. Он встал, прошёлся. Ответил не сразу.

— Это хорошо, что Кронштадт готов. Мы знаем: вы хоть сегодня могли бы арестовать министров. Но ведь готовится не дворцовый переворот, а народная революция. Победить власть помещиков и капиталистов нам будет потруднее, чем просто арестовать правительство. Согласны? Так что придётся ещё готовиться, чтобы собрать все силы. А приказ Военно-революционного комитета будет. Ждите.

Этот разговор со Свердловым на следующий день обсуждали в Кронштадте. Решение вынесли такое: «Довести до сознания каждого кронштадтца идею народной пролетарской революции».

...Через много лет после тех событий один из их очевидцев задумался: почему всё-таки матросов революции изображают — на плакатах, в кино — не совсем точно? Как-то уж очень приподнято, романтично. Ведь на самом деле они были самыми обыкновенными людьми и даже пулемётных лент поверх кожаных курток никогда не носили. Всё было гораздо скромнее: бескозырка, бушлат или шинель, и обязательно застёгнутые на все пуговицы. Обычная и неизменная форма матроса. За плечом — винтовка, в подсумке — патроны, в особых случаях подвешивали к ремню одну-две гранаты.

Видите как: одеты всегда строго по уставу и действовали, как им было положено, по совести, по чести. И не надо ничего приукрашивать.

Но у народной памяти свои законы. Балтийские моряки навсегда останутся в ней необыкновенными и прекрасными рыцарями революции, людьми из легенды.

Они появлялись неизменно там, где происходили самые решительные, главные события. Чёрные бушлаты и золото ленточек на бескозырках. «Кронштадт идёт»,— говорили тогда. Кто с торжеством, кто с ненавистью. Но никто равнодушно, потому что «Кронштадт идёт» означало, что идут большевики, самые стойкие, самые убеждённые, готовые ради идеи даже на смерть.

На их долю выпало брать Зимний дворец, громить контрреволюцию и среди первых строить Советскую власть.

РАБОЧАЯ СТОРОНА

В маленькой комнате мигает керосиновая лампа. За окном непроглядная темнота и настороженность осеннего вечера. И от этого ещё тесней и теплей кажется круг близких товарищей, собравшихся вокруг стола здесь, в комнатке исполкома Выборгского района.

На столе лежит письмо Ленина.

— Читай,— просят гости хозяина помещения, секретаря исполкома. Он придвигается ближе к свету.

Они все здесь с Выборгской стороны. Большевики с завода «Старый Лесснер», «Айваз», «Русский Рено»... Сторона эта рабочая, самый надёжный и крепкий в Петрограде район. Здесь хорошо организованная Красная гвардия, большевистский Совет, революционно настроенные воинские части.

Юнкера и соглашатели боятся этого района как огня. Даже контрразведка Временного правительства не рискует здесь появляться.

В эти тяжёлые дни, когда против большевиков продолжается настоящая травля, на Выборгской стороне, под защитой рабочих, основали свои штабы Центральный Комитет партии и редакция «Правды».

Некоторые из собравшихся знают точно, другие догадываются, что и Владимир Ильич скрывается от ареста на нелегальной квартире где-то недалеко, в их районе. Это письмо его, адресованное партии, принесла в Выборгский райком Надежда Константиновна Крупская.

«*Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено... восстание»,— пишет Ленин. Он доказывает, что решительный момент для захвата власти рабочим классом наступил. Народ идёт за большевиками. Надо брать власть немедленно, пока Керенский не успел привести в исполнение свой план разгрома революционных сил. Надо как можно серьёзней подготовиться и как можно скорее, энергичнее совершить вооружённое восстание.

Отзвучали слова ленинского письма. В комнате так тихо, что слышно, как скребётся в стекло дождь. Все собираются с мыслями.

Хотя давно уже готовились, но теперь надо осознать, что долгожданное время пришло — у порога стоит социалистическая революция. А это не бунт протеста, не демонстрация сил, а хорошо продуманный и выверенный в деталях захват власти из рук Временного правительства, потерявшего всякое доверие у народа России.

— Обсудим, как нам действовать,— первым прервал молчание рабочий со «Старого Лесснера» Куклин.— Что надо сделать прежде всего?

Брали слово по очереди, говорили очень обдуманно.

— Мосты. Предлагаю взять немедленно под контроль те, что прилегают к нашему району. Ведь если разведут, к примеру, Сампсониевский, прервётся сообщение с Петроградской стороной. Литейный мост — это связь со Смольным. Враги непременно постараются разъединить районы.

— Правильно. Здесь нужен глаз да глаз. Назначим своего коменданта. Пусть немедленно организует красногвардейские сторожевые посты — и не давать разводить мосты! В случае чего — помешать силой, отнять ключи у городских смотрителей.

Комендантом мостов Выборгской стороны назначили товарища Ильина с завода «Русский Рено».

Затем надо было подумать, как закрыть дороги, ведущие из Петрограда к финской границе. Как раз через их район проходит Финляндская железная дорога. По ней могут прислать войска, ударить в спину восставшим.

Что скажет об этом товарищ Становов из районного штаба Красной гвардии? Ведь он командир артиллерийского дивизиона.

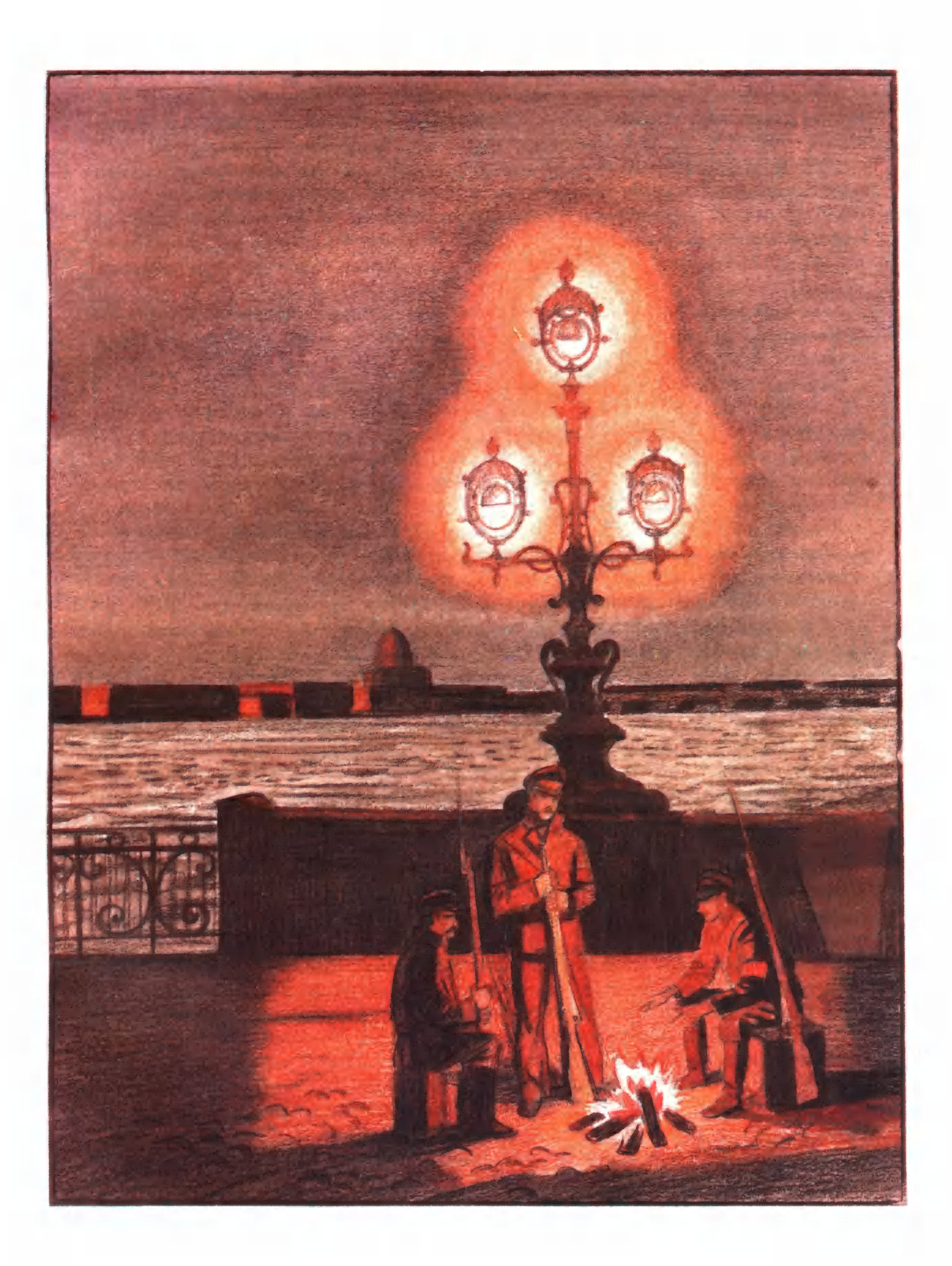
— Мы немедленно вывезем и установим на дорогах трёхдюймовые и шестидюймовые орудия.

В помощь артиллеристам решили послать пехотинцев Московского полка и красногвардейские отряды. Командование возложили на рабочего-металлиста Илью Митрофановича Гордиенко. У него был опыт военной службы.

Чего ещё нельзя забыть? Связь. Здесь тоже нужен крепкий человек. Чтобы заранее нашёл смышлёных помощников, позаботился о безопасных маршрутах по городу, о телефонах. Без связи с главным штабом в момент восстания — как без компаса.

И продуктами надо заранее запастись. Известно, что торговцы могут закрыть лавки, оставить район без хлеба.

До глубокой ночи не расходились из маленькой комнаты по Лесной улице руководители будущего восстания Выборгской стороны. Они старались ничего не забыть. Понимали, что в революции не

будет неважных мелочей. То, что сейчас кажется мелочью, может подвести в решительный момент.

Ну а если вдруг неудача? Они, командиры, больше всех верят в победу. Но именно им надо заранее предусмотреть возможные исходы — все, даже самые крайние. Страшнее поражения может оказаться растерянность.

И они принимают ещё одно решение: если вооружённое восстание в других районах Петрограда потерпит поражение и руководителям партии придётся снова уйти в подполье, тогда члены Выборгского партийного комитета возьмут руководство восстанием на себя. Будут разведены мосты. Выборгская сторона встанет неприступной крепостью на пути врагов. И будет драться до тех пор, пока к ней на помощь не придут верные революции войска.

На следующий день в районе полным ходом шло формирование отрядов Красной гвардии.

Военные инструкторы из пулемётного и Московского полков приводили в боевую готовность рабочие дружины. А в исполкоме районного Совета появилась большая карта Петрограда, на которой синим и красным карандашом наносились позиции орудийных и пулемётных заслонов.

День и ночь шли люди в Выборгский Совет, в райком партии и штаб Красной гвардии. Отряды получали оружие и последние инструкции. Казалось, все забыли о сне, еде и отдыхе.

Так было в каждом рабочем районе Петрограда. В боевой строй встали путиловцы и обуховцы, оружейники, металлисты, машиностроители...

— Большевики должны взять власть,— вывел из сложившейся обстановки Владимир Ильич Ленин.

Рабочая сторона отозвалась:

— Мы готовы.

КАКОЙ ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ!

О нём будут думать и рассказывать веками.

День петроградской осени, сырой и холодный. Рассвет неохотно вставал над крышами дворцов, казарм и рабочих застав. По Невскому шли переполненные трамваи. Работали выставки и рестораны. В Мариинском театре давали балет. Шаляпин пел в Народном доме Бориса Годунова. У хлебных лавок стояли длинные очереди.

Тому, кто вышел в этот день на улицу по своим делам и был занят только личными заботами, могло показаться, что всё обычно, как вчера и позавчера... Вот только газеты нарасхват. И вооружённые патрули встречаются чаще. Да у Исаакиевского собора стоит почему-то броневик с красным флагом и свежей надписью «С. Р. С. Д.» — Совет рабочих и солдатских депутатов. До сих пор все бронемашины, появлявшиеся в городе, носили имена древних русских князей — «Олег», «Святослав», «Рюрик»...

Интересно, почему у Мариинского дворца баррикада и цепь солдат через всю площадь? Кажется, здесь сегодня какое-то государственное заседание.

И на Дворцовую площадь не попадёшь, все выходы охраняются часовыми. Толпа горожан любопытствует, в чём дело. Но солдатам на посту говорить не положено. Поставили — значит, так надо.

На площади всё спокойно. А в Зимнем дворце, как известно, сидит правительство. Правда, Временное.

Люди, занятые только личными делами, видят немногое. Для них важнее всего собственные заботы, крохотные практические интересы. Очередь большая — значит, придётся долго стоять. Трамвай еле тащится? Лучше идти пешком. Оцепление? Надо обойти.

А в это время часы истории отсчитывали последние мгновения старой России. Близился час рождения России новой.

Накануне Владимир Ильич Ленин направил в Центральный Комитет большевистской партии ещё одно письмо. В нём были такие строки: «...промедление в восстании смерти подобно. Нельзя ждать!! Можно потерять всё!!»

Силы революции и контрреволюции вступили в решающее столкновение. Временное правительство снова готовилось сдать Петроград немцам (помните предательский расчёт генерала Корнилова: «Лучше немцы, чем революция»?).

Промышленность и сельское хозяйство были доведены в стране до такого критического состояния, когда спасти положение могли только сами рабочие и крестьяне. И они уже начали повсеместно брать управление делами в свои руки.

Было ясно, что и справедливого мира народу не получить из рук Временного правительства.

Все его первоначальные обещания — мира, земли и справедливости — оказались пустым звуком, обманом. Иначе и не могло быть, потому что власть, выпавшая из рук царя, снова оказалась в руках угнетателей народа. За восемь месяцев, прошедших после февральской революции, это стало ясно большинству трудового населения России.

Вот почему свержение правительства и передача всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов стало теперь самой насущной необходимостью.

Большевики разработали план быстрого и точного овладения ключевыми позициями в столице. Чтобы избежать ненужных жертв и кровопролития, нужен был большой перевес сил на главных направлениях.

Военно-революционный комитет обеспечил этот перевес. В боевую готовность была приведена 40-тысячная Красная гвардия столицы. Она взяла под свою охрану заводы и общественные учреждения. Революционные полки военного гарнизона патрулировали улицы и охраняли город от нападения извне. Моряки Балтики послали в распоряжение штаба восстания революционный десант и боевые суда.

Каждый красногвардейский отряд, каждый корабль и военный полк получил боевое задание и своё место в строю революционной армии.

Ну а какие силы стояли за правительством?

Оно рассчитывало в основном на девять-десять тысяч курсантов военных училищ и школ — юнкеров, как их тогда называли. Эта молодёжь, в большинстве своём дворянская, ещё верила, что Керенский защищает справедливое дело.

Юнкеров стягивали к Зимнему дворцу. Прежняя охрана отсюда ушла, снявшись с караула. А помощь с фронта, обещанная правительству, не прибыла. Даже казачьи полки в городе отказались выступить из казарм и заявили, что не будут ни во что вмешиваться.

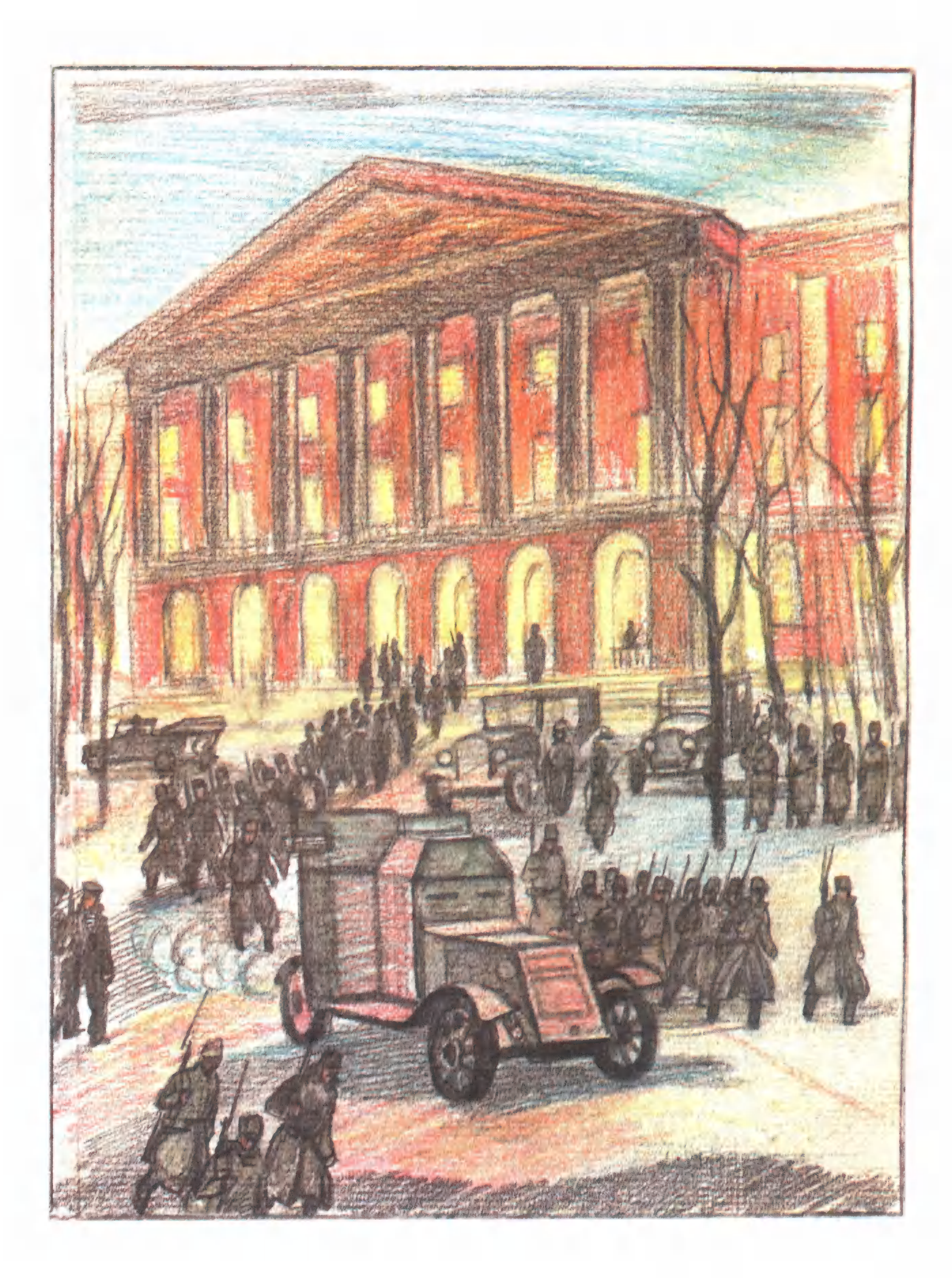
Военные руководители из Петрограда с тревогой докладывали в ставку Верховного командования, что создаётся «впечатление, как будто бы Временное правительство находится в столице враждебного государства». «Уличных выступлений, беспорядков нет, но идёт планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили».

По всему городу было расклеено обращение Военно-революционного комитета «К населению Петрограда»:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов берёт на себя охрану революционного порядка...»

Накануне дня, о котором идёт речь, силами вооружённого народа без единого выстрела был занят Главный телеграф и Петроградское телеграфное агентство.

Командующий Петроградским военным округом предписал срочно развести мосты на Неве, чтобы отсечь от центра города рабочие окраины — Выборгский, Петроградский и Василеостровский районы. Но городского инженера, заведующего мостами, встретили сторожевые посты красногвардейцев. Они не допустили разводки. Им на помощь пришли революционные солдаты и матросы, взявшие мосты под особую охрану.

Немного позже к Николаевскому мосту, где засели юнкера, подошёл крейсер «Аврора», и матросы восстановили движение — приказ Военно-революционного комитета был выполнен.

Битва за мосты окончилась в пользу восставших и прошла почти без выстрелов.

Канун революции. Он не укладывается в один день или даже в несколько месяцев, в год. Революция — как мощное дерево: корни уходят в земную глубь, а ветви тянутся к солнцу. Наступающий день связан с прошлым и будущим тысячами неразрывных нитей. Его готовили века нашей истории.

Дождались! Прорвана всемирная цепь капитала. Наступило 25 октября 1917 года. Когда революция введёт новый календарь, мы добавим 13 дней и скажем: 7 ноября. Каждый час этого дня будет занесён в учебники.

Первый час. Глубокая ночь, но огромное здание Смольного гудит и сверкает огнями. Похоже на работающий мотор, от которого во все стороны летят в темноту искры, распространяя вокруг упругую энергию действия.

Всё в движении. Подъезжают и отъезжают автомобили, мотоциклы. В ворота вползает грузовик, доверху нагруженный винтовками. Оружие тут же, прямо с борта машины, раздают представителям районов.

Работают моторы броневиков у главного подъезда. Горят костры. У огня в ожидании приказа греются красногвардейцы Сестрорецкого завода, солдаты. У входа стоят пушки и пулемёты со снятыми чехлами. Часовые проверяют пропуска — людской поток не прерывается ни на минуту. Как при хорошо отлаженной работе: одни приходят передохнуть после вахты, другие уходят им на смену.

Около часа назад в Смольный пришёл с Выборгской стороны Ленин. Он оставил свою последнюю конспиративную квартиру и, сопровождаемый связным, финским рабочим Эйно Рахьей, поспешил в штаб революции.

«Изумительный по своей смелости поступок Ленина поразил всех присутствующих,— рассказывал путиловец И. Ф. Еремеев.— Всем нам было хорошо известно, что агенты контрреволюции буквально охотятся за Лениным, что за его голову Временным правительством назначена крупная награда. И вдруг без предупреждения, без охраны Владимир Ильич идёт в Смольный через бушующий Петроград, где за каждым углом его мог поджидать враг!

С тех пор вся наша жизнь, борьба и работа в Смольном были озарены присутствием Владимира Ильича Ленина».

Военно-революционный комитет немедленно дал знать во все полки и на заводы, что вождь партии встал во главе восстания.

Феликс Эдмундович Дзержинский вызвал командира красногвардейской дружины Путиловского завода:

— Надо организовать пост у рабочей комнаты Ленина.

Весть о том, что Ильич в Смольном, разнеслась очень быстро, и теперь все шли сюда — и по делу, и просто из любопытства. У двери толкались корреспонденты всевозможных газет, начали заглядывать и какие-то подозрительные лица. Путиловцы хорошо понимали, какое доверие им оказано: Ленин руководит революцией, а они его охраняют.

Молодой рабочий с вьющимися из-под шапки кудрями построил свой отряд и скомандовал:

— Кто готов выполнить приказ любой ценой, шаг вперёд!

Весь отряд сделал шаг вперёд.

В этот день дверь к Ленину не закрывалась. Спать Ильич не ложился.

В 2 часа ночи отряды революционных солдат и красногвардейцев взяли под контроль вокзалы. В руки восставших перешёл почтамт. По распоряжению Военно-революционного комитета главная электростанция города выключила свет во всех учреждениях Временного правительства.

В это время Керенский обсуждал с командующими Петроградским военным округом план захвата Смольного. Стало известно, что большевики в полном порядке продолжают наступать, не встречая сопротивления со стороны правительственных войск.

Около трёх часов ночи на первом этаже Смольного, в комнате № 31, собрался Центральный Комитет большевистской партии. Обсуждается ход восстания. Ленин ставит вопрос о создании Советского правительства. Впервые звучит: «народные комиссары». Это о будущих руководителях рабоче-крестьянского государства.

Около семи часов утра солдаты Кексгольмского полка заняли Центральную телефонную станцию, разоружив охрану юнкеров. Тут же были выключены телефоны Зимнего дворца и включены телефоны Смольного.

В 10 часов утра Владимир Ильич Ленин пишет обращение «К гражданам России». В самый короткий срок оно будет отпечатано, уложено пачками в машины, и по всему городу разлетятся листки с воззванием Петроградского Совета:

«Государственная власть перешла в руки... Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

...Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

В 11 часов Керенский бросает своё правительство, садится в американский автомобиль и под защитой флага военного атташе США удирает из Петрограда. Еле успел. Уже началась подготовка к занятию центра города и аресту правительства.

Эсер Керенский ещё сделает попытку вернуться — с мятежом против Советской власти. Но ему снова придётся удирать.

В полдень революционные войска окружили Мариинский дворец — одно из главных правительственных зданий в столице. В руках правительства осталась лишь Дворцовая площадь. Её защищают «две с половиной школы юнкеров, батарея Михайловского училища и два броневика». Так телеграфирует генералу Духонину в Могилёв представитель Верховного командования в Петрограде. С этими силами осаждённые надеются продержаться до подхода частей с фронта.

В 2 часа дня на помощь петроградским рабочим из Кронштадта прибыла флотилия из пяти боевых кораблей во главе с крейсером «Олег».

А через полчаса в зале Смольного собрался Петроградский Совет. К трибуне шёл, улыбаясь и пожимая протянутые руки, Ленин. Ещё не был отменён июльский приказ о его аресте, и в Зимнем ещё продолжало заседать Временное правительство, строя планы спасения прежней России...

Владимир Ильич уверенно и негромко обратился к депутатам со словом, которое услышал весь мир:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась. Отныне наступает новая полоса в истории России...

К трём часам дня в Петропавловской крепости закончилась подготовка к штурму Зимнего, пушки были наведены на дворец.

В 6 часов вечера Зимний дворец был полностью окружён. Цепи наступающих всё туже стягивали кольцо вокруг Дворцовой площади. Они шли от Александровского сада, от углов Адмиралтейства и Невского проспекта, от решётки сада Зимнего дворца и от канавок Эрмитажа, заполняя каждую впадину на открытых обстрелу пространствах, сливаясь с гранитом стен,— неудержимые, как волны во время прилива.

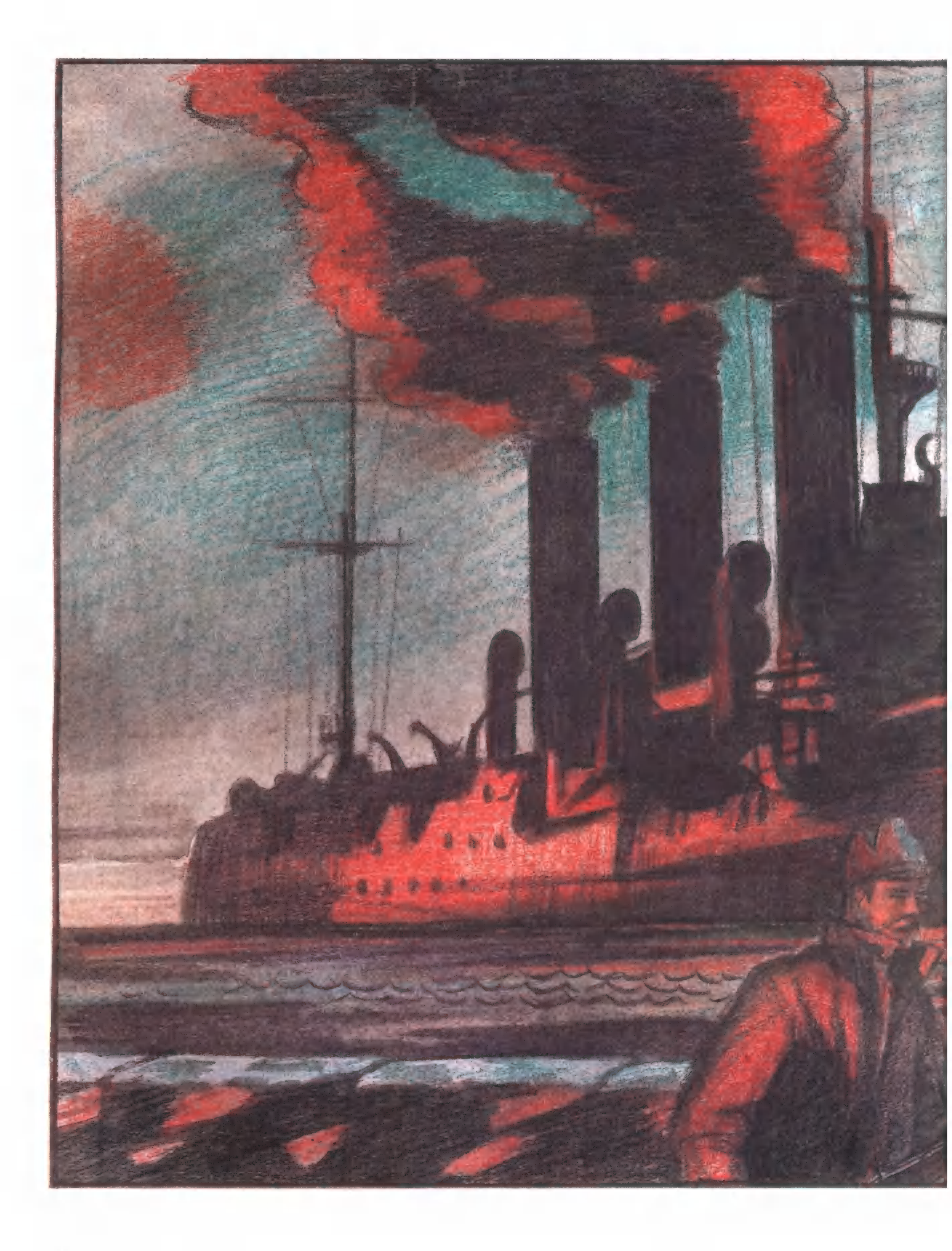
В 7 часов 45 минут Зимнему дворцу был предъявлен ультиматум: сдаться в десять минут. Часть юнкеров из охраны приняли условия и покинули дворец.

8 часов. Повторный ультиматум. Революции не нужны кровопролития и разрушения. Решено ждать до девяти.

В царском дворце, где было больше тысячи комнат и залов, как в огромной мышеловке, бродили растерянные, всеми оставленные и теперь уже никому не нужные правители, чьё время вышло. «Вокруг нас была пустота, внутри нас — пустота, и в ней вырастала... решимость равнодушного безразличия»,— написал позднее о настроениях осаждённых бывший министр юстиции Временного правительства Малянтович.

Но на предложение сдаться ответа снова не последовало.

И тогда комиссар Петропавловской крепости Благонравов получил приказ начать артиллерийский обстрел Зимнего. Матросам, которые наводили орудия без панорамных прицелов, на глаз, передают: «Будьте осторожны, в левой половине дворца лазарет».

Первые выстрелы не по дворцу, а над ним. Всё ещё предупредительные. Четыре шрапнели с высоким разрывом одна за другой уходят в тёмную высь, сверкнув гигантскими ракетами. Ахнув, раскололась даль, и над городом покатился перекатами октябрьский гром. Он заглушил редкую ружейную перестрелку, звонки трамваев на мостах...

Потом воцарилась тишина.

А на «Авроре» в это время ждали сигнала. Если над Петропавловкой появится красный огонь, крейсер даст холостой выстрел, и тогда отряды пойдут на штурм Зимнего.

В 9 часов 40 минут за мостом блеснул багровый свет.

— Огонь, смотрите!

— Носовое, пли! — скомандовал комиссар «Авроры» Белышев.

«Это был героический момент революции, прекрасный, незабываемый,— напишет один из руководителей штурма Николай Ильич Подвойский.— Во тьме ночной, озарённые бледным затуманенным дымом, светом и... молниями выстрелов... неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат... Стояло сплошное победное «ура»... Одно мгновение — и баррикады, и их защитники, и наступающие слились в одну тёмную сплошную массу, кипевшую, как вулкан, а в следующий миг победный крик был уже по ту сторону баррикад. Людской поток заливает уже крыльцо, входы, лестницы дворца. Царский дворец — символ бесконечного произвола, беспросветного угнетения, сотни лет смеявшийся над горем и слезами... рабов,— в руках этих угнетённых, в руках пролетариата, единого властителя своей судьбы с этой минуты».

Двенадцатый час. Истекает последняя ночь русского капитализма. Матросы ведут в Петропавловскую крепость министров — тех, кто до последней минуты надеялся остановить революцию. Пусть теперь посидят под надёжной охраной в царских казематах, подумают.

Два века Петропавловка была местом заточения революционеров. Здесь пытались сломить мужество Радищева и Чернышевского. Отсюда уводили на казнь декабристов и народовольцев. Горький задыхался здесь от чахотки. История распорядилась, чтобы последними узниками мрачной крепости — правда, не надолго — стали последние защитники власти угнетателей в России.

Победа! Революция произошла стремительно и, можно сказать, без кровопролития. В последнем штурме с обеих сторон участвовало

около 20 тысяч вооружённых людей. По данным Военно-революционного комитета, погибло шесть человек.

Когда Николай Ильич Подвойский ехал в Смольный, чтобы рассказать Ленину о завершающих событиях дня и, заранее волнуясь, подбирал слова для своего доклада, Владимир Ильич, устроившись у стола, работал. В самом центре бушующего вокруг людского потока он сосредоточенно писал что-то, пристроив на коленях книгу с листом бумаги. Перечитывал, делал поправки. Зимний взят — очень хорошо, с этим покончено. Теперь безотлагательно нужны проекты первых советских декретов. Строительство новой жизни начинается сегодня.

Пока длился штурм, здесь, в Смольном, открылся Второй Всероссийский съезд Советов. Опираясь на волю громадного большинства трудового народа и на победное восстание в Петрограде, съезд передал всю власть в России Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Отныне они будут устанавливать в стране новый порядок.

Шумел, как дубрава в грозу, беломраморный зал. Вдоль его стен тянулась линия штыков. Винтовки стояли и за стульями делегатов: отсюда им снова идти в бой. Теперь уже со всеми, кто захочет отнять у них победу.

В густом табачном дыму тускнело сияние люстр, ещё бледней казались лица давно не отдыхавших людей. Здесь, где столько лет собиралась в дни торжеств высшая петербургская знать, теперь решали будущее своей страны солдаты из окопов, рабочие с баррикад. Ещё недавно бесправные и немые, они говорили во весь голос. Им надо было принять новые законы жизни и помочь Советской власти укрепиться по всей стране.

Было уже 26 октября. Холодная ночь, казалось, остановилась, замерла. В коридорах Смольного прямо на полу спали измученные бойцы, положив рядом с собой винтовки. По притихшим улицам Петрограда гулял предрассветный ветер. Он гнал по мостовым старый мусор, старался разогнать затаившийся по углам мрак.

Когда самые неотложные дела были переделаны и в штабе революции настало время краткой ночной передышки, чей-то голос заставил всех оглянуться:

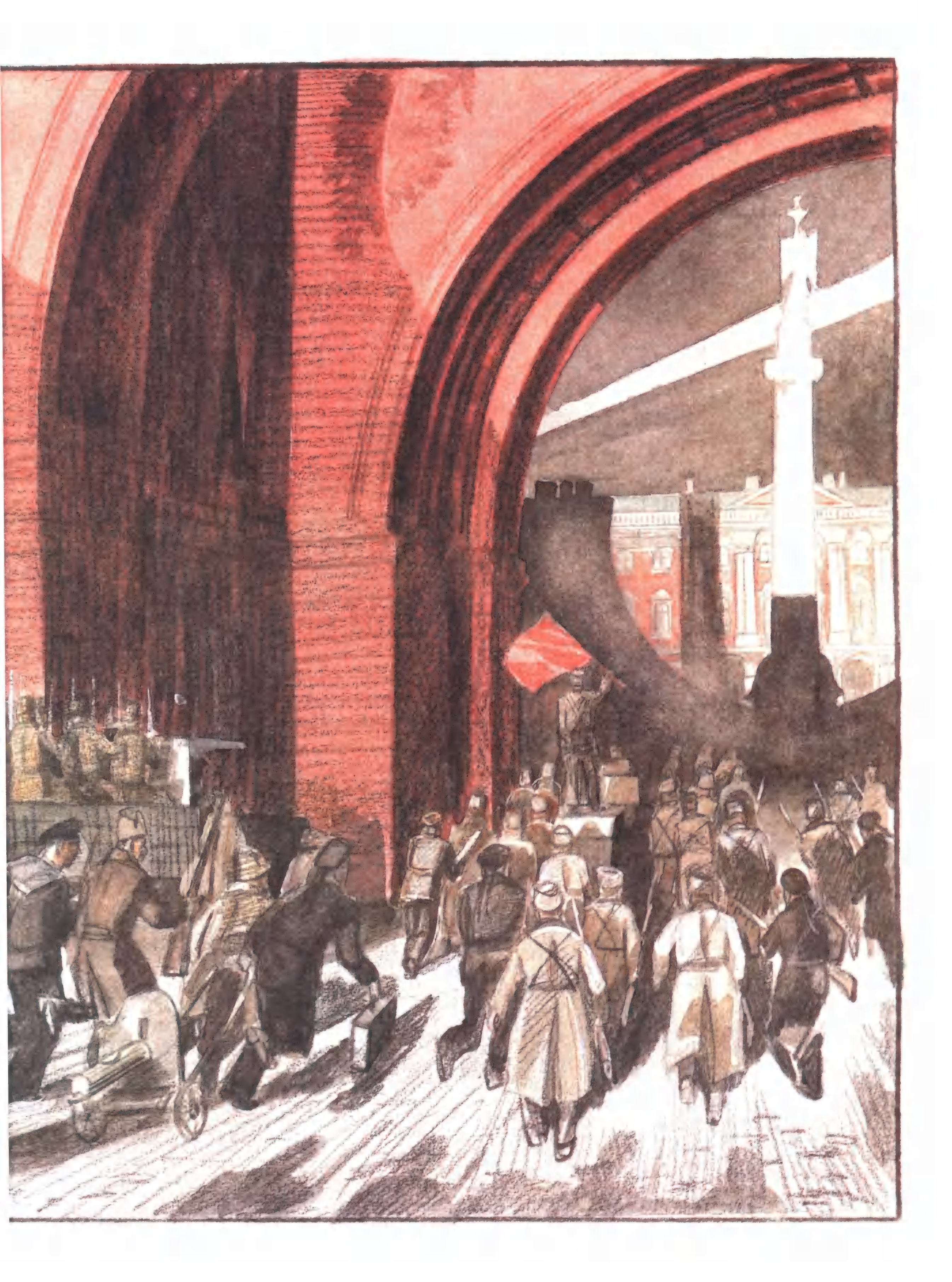
— Какой прекрасный был день!

Слова вырвались из самой глубины души. Это Николай Ильич Подвойский, руководитель военной организации большевиков, совсем не по-военному подвёл итог. Суровый воин был в душе поэтом, он выразил то, что чувствовали все.

Праздник революции. Величайшее счастье выпало тем, кто его творил. Они сумели изменить ход мирового времени.

Ещё вчера время служило богатым. Веками — только богатым, которые становились всё богаче.

Сегодня оно начало работать на обездоленных. Пошли первые часы новой жизни. В ней с каждым годом будет теперь всё больше разумного, доброго и справедливого.

БУШУЮЩЕЕ МОРЕ ВРАЖДЫ

Как только по прямым проводам из Петрограда были переданы первые телеграммы о победе вооружённого народа, враги революции начали немедленно собирать силы.

Бывший министр-председатель Временного правительства Керенский встретился в Пскове с генералом Красновым. Они сговорились двинуть на Питер казачий корпус. Тот самый, который в дни корниловского мятежа вёл на столицу генерал Крымов.

Казаки заняли Гатчину. Через день под колокольный звон церквей они вступили в Царское Село. Керенский ехал на белом коне и с вершины невысокого холма взглядом завоевателя смотрел на золочёные шпили города, лежащего перед ним на осенней равнине. До Петрограда было не больше двадцати вёрст...

А на юге страны в это же время уже собирал силы контрреволюции атаман донского казачества Каледин. В войсках Западного фронта начал антисоветский мятеж генерал Духонин. В самом Петрограде заговорщики готовились поднять против Советской власти юнкерские училища.

Понимая, как устал народ от войны, большевики сделали всё возможное, чтобы революция была бескровной. Но враги вынуждали идти в бой. Первая неделя новой жизни, с 27 октября по 2 ноября, стала днями яростной борьбы за само существование Советской власти.

Фабричные гудки, полные тревоги, звали на улицы столицы рабочих. Красный Петроград в опасности! Людской поток катил, как река, к городским заставам.

Шли мужчины, женщины, подростки — с патронташами поверх рабочей одежды, с ружьями, несли лопаты, ломы и мотки колючей проволоки. Шагали солдатские роты, ехали повозки и пушки.

По Невскому проспекту в ранних сумерках проходили без барабана, без музыки нестройные ряды красногвардейцев. Над ними развевались флаги с торопливо написанными от руки призывами: «Революция в опасности!», «Все на защиту Петрограда!». Молодые лица полны суровой решимости — погибнуть, но не отступить.

С тротуаров хорошо одетая толпа провожала колонны ненавидящими взглядами.

Революция должна была защищаться. Против неё ополчился весь старый мир — лавочники, чиновники, помещики, спекулянты, банкиры, офицеры, политические деятели... Бушующее море вражды обрушилось на только что родившуюся власть, не успевшую пока укрепиться.

Непримиримая граница разделила страну, прошла через каждый дом. Никто не мог оставаться в стороне, сохранять нейтралитет. Революция требовала ответить: за кого ты? За Советы или против них? С кем ты? С красногвардейцами или с белогвардейцами?

Большие города и крохотные деревеньки — всё зашевелилось. По всей России вспыхнули факелы революции.

Особенно тяжёлые бои за власть Советов развернулись в Москве. Враги снова рассчитывали на старую русскую столицу. Надеялись собрать здесь в кулак свои силы и вернуть всё потерянное.

Для начала, по их расчётам, должно было хватить 15 тысяч офицеров, оказавшихся в Москве по причине отпуска или ранения, да плюс два сибирских казачьих полка, шесть школ прапорщиков, два военных училища...

Командующий Московским военным округом полковник Рябцев предъявил большевикам ультиматум: сдать Кремль, распустить и предать суду Военно-революционный комитет, разоружить рабочих.

В ответ над Москвой прозвучал призыв: «Все к бою!»

В 6 часов утра, как только кончилась смена на железопрокатном заводе Гужона, в одном из самых больших цехов начали собираться рабочие. И те, что всю ночь работали, и те, что пришли утром.

Среди степенных прокатчиков сновали перепачканные мальчишки-подручные. Большой группой стояли работницы болторезного и гвоздильного цехов. Из начальства никто не пришёл. Казалось, что власть капиталиста Гужона, бессменного главы московских заводчиков и фабрикантов, здесь больше не действует.

Ждали выступления товарищей из заводской большевистской ячейки.

— Нас снова хотят превратить в рабов,— начал коренастый, решительного вида рабочий.— Наших товарищей, солдат 56 пехотного полка, Рябцев обманом разоружил и расстрелял в Кремле. Юнкерьё наступает на Моссовет, ими захвачен телефон и телеграф, вызваны на подмогу воинские части с фронта. От имени партии большевиков призываю вас к оружию!

Больше говорить не было времени.

— Тех, кто пойдёт с нами, прошу поднять руки.

Четыре тысячи рук взметнулись над толпой людей. И были среди голосующих степенные прокатчики (они стали бойцами и командирами), мальчишки-подручные (они пошли в разведчики и связные), женщины из болторезного и гвоздильного цехов (они надели повязки с красным крестом)...

Прямо с собрания рабочие отправились за оружием к Астраханским казармам. Оттуда пошли в бой.

К этому времени в Лефортове разгорелось яростное сражение за Алексеевское военное училище. Оно превратилось в настоящую крепость: толстые стены, пулемётные гнёзда. Отсюда пушки белых вели огонь по заводу и рабочему посёлку металлистов. Снаряд попал в электростанцию и убил механика, когда он включал ток для освещения рабочего посёлка.

Красногвардейцы шли в наступление по открытому полю. Моросил мелкий ледяной дождь. Наспех отрытые окопы заливало водой и грязью. Шесть раз поднимались рабочие в атаку. У них была насквозь простреливаемая, очень невыгодная позиция. Посреди полосы наступления располагался завод и посёлок. Среди бойцов сновали ребятишки, их матери искали своих среди раненых и убитых.

Плач и причитания врывались в оружейную канонаду. Боевые порядки сбивались.

На помощь пришли товарищи из Рогожского Совета. Они решительно увели «посторонних» с поля боя.

Из военных мастерских тяжёлой осадной артиллерии красногвардейцы ползком, под кинжальным огнём, подтащили гаубицу и прямой наводкой ударили по главному подъезду училища, откуда цепи наступающих поливали из пулемётов. Когда пулемёты замолчали, начался штурм.

А вскоре гужоновцы соединились с рабочими Замоскворечья, с динамовцами с Симоновки, с рабочими Курских железнодорожных мастерских. И все вместе двинулись через Китай-город освобождать Кремль.

Наши разведчики перехватили донесение штаба Московского военного округа:

«Силы противника увеличиваются... Окраины для нас совершенно недоступны... Сегодня большевики заняли уже все вокзалы, а также почту и телеграф».

А вот какое донесение в наш штаб направил 31 октября Рогожский военно-революционный комитет:

«Наши орудия обстреливают Кремль и Александровское военное училище. Революционными войсками и Красной гвардией осаждаются гостиница «Метрополь», Кремль... Кадетские корпуса сдались...»

Металлисты были среди частей, сжимавших кольцо окружения вокруг Кремля.

Они вышли по Большой Алексеевской улице к окопам, вырытым прямо посреди мостовой. Тротуар был перегорожен рогатками, среди них — узкий проход. И стоял здесь на посту красногвардеец лет пятнадцати.

Совсем мальчишка, в нахлобученной на глаза огромной военной фуражке, с видневшейся за плечом австрийской винтовкой образца 1888 года. Приклад винтовки доставал чуть не до земли.

Когда наступающие поравнялись с постовым, они узнали Петю Громова — заводского парнишку из нормировочного отдела.

Петя тоже узнал своих, но не подал вида и строго сказал, как положено часовому:

— Проходи!

Отряд продолжал путь к Кремлю, выкуривая засевших в Китай-городе и «Метрополе» врагов.

А маленький красногвардеец остался выполнять приказ, который ему дала революция,— охранять дорогу по Большой Алексеевской у здания районного Совета.

«Это была их битва, за их собственный мир, и командиры были избраны ими самими»,— писал о первых защитниках Октября американский журналист Джон Рид. Он был свидетелем штурма Зимнего в Петрограде, победы революции в Москве и бегства казаков из Царского Села.

Да, отборные казачьи части не выдержали отпора охваченных гневом защитников Петрограда. Матросы, расстреляв все патроны, бросались в штыковые атаки. Плохо вооружённые рабочие бесстрашно шли прямо на казачью лаву, вышибая седоков из сёдел. Толпы народного ополчения обрушивались на врага повсюду.

А пламенные революционные агитаторы помогали понять обманутым, что их снова заставляют поднимать оружие против братьев.

За один день был разгромлен юнкерский мятеж в Петрограде.

Генералу Духонину не удалось поднять против революции войска Западного фронта, солдаты, как один, поддержали нового главнокомандующего — большевика Крыленко.

В боях за Советскую власть в Москве участвовали тысячи красногвардейцев и матросов из Питера, Владимира, Иваново-Вознесенска и других русских городов.

К концу ноября власть Советов установилась почти по всей Центральной России. А отсюда с быстротой, превышающей все обычные средства сообщения, волны народной революции распространились по всей стране, до самых дальних её окраин.

Ещё не раз и не два придётся нашему народу с оружием в руках подниматься на защиту Советской власти. И в самых отчаянных, самых безнадёжных положениях, когда перевес военных сил и материальных средств будет на стороне врага, победа всё-таки нам не изменит. Почему?

Потому что для нас теперь будет навсегда нерушимо: это наша битва, за наш собственный мир.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК

По городу мчался трамвай. Пассажиры его, все, как один, были в чёрных бушлатах и бескозырках. Они нетерпеливо выглядывали в окна, а на перекрёстках соскакивали с подножек и бежали переводить стрелки путей.

Вагоновожатый сначала возражал:

— Не на тот номер сели, у меня маршрут другой!

Но рядом с ним встал матрос:

— Гони, братишка, маршрут я тебе укажу. Поедем с юнкерами разбираться.

Водитель всё понял и повеселел.

С Суворовского проспекта на большой скорости и без всяких остановок направились к Петропавловской крепости. Там погрузили на площадки ящики с артиллерийскими снарядами. К последнему вагону прицепили трёхдюймовое орудие. И снова понеслись. Теперь уже к телефонной станции.

Орудие с грохотом подпрыгивало на камнях мостовой. Прохожие с удивлением оборачивались и долго смотрели вслед. Обыватели привычно возмущались:

— Безобразие! Какие беспорядки кругом! Пушку к трамваю прицепили...

А пушка, на время одолженная моряками у коменданта Петропавловской крепости, нужна была как раз для наведения революционного порядка.

Группа юнкеров, переодевшись в форму солдат Семёновского полка, захватила городскую телефонную станцию, нарушила связь между районами Петрограда. Юнкера действовали с обдуманным коварством. Разузнали большевистский пароль, явились рано утром перед сменой караула и обманом поставили на станции свои посты. Потом они открыли огонь по красногвардейцам и многих убили.

Это были те самые юнкера, которых отпустили из Зимнего дворца после их обещания не поднимать оружия против народа.

Когда орудие отцепили от трамвая и выкатили на удобную для стрельбы позицию, юнкера прекратили поливать улицу огнём.

— Сдавайтесь, или будем стрелять! — закричали матросы.

Через несколько минут в окне телефонной станции показался белый флаг.

Революционные матросы понимали порядок не так, как петроградские обыватели.

Обывателю во все времена важнее всего, чтобы ему лично было удобно и спокойно, даже если рядом гибнут люди и рушится целый мир.

7

Матросы ни во что не ставили личные удобства, если нужно было поддержать справедливое дело. Они могли не спать сутками, забывать про голод, не думать даже о собственной жизни, если опасность грозила их товарищам, революции.

Теперь, когда к власти пришёл народ, Ленин не уставал повторять:

— Беритесь сами за дело, никого не дожидаясь. Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмёте все дела государства в свои руки. Установите строжайший революционный порядок. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу.

Вот в какой порядок верили матросы. Правда, юнкеров они и на этот раз отпустили на свободу, считая побеждённого врага уже не опасным.

Скоро, однако, пришлось убедиться, что враг ведёт войну не только с помощью пулемётов и пушек.

Больше не существовало старой власти. С 2 ноября 1917 года даже священники петроградских церквей перестали поминать Временное правительство во время своих богослужений. Но завоевание полной власти народом ещё только начиналось.

На той телефонной станции, которую пришлось отбивать у юнкеров, теперь молчал коммутатор. Некому было отвечать абонентам. Телефонные барышни, сбитые с толку агитацией против большевиков и Советской власти, отказывались работать.

Чиновники всех министерств объявили бойкот: не выходили на службу вообще, а если выходили, то ничего не делали. Ведь они всю жизнь служили богатым людям и привыкли считать себя частью старого порядка, при котором командует жизнью тот, у кого свои фабрики, магазины, поместья. А тут пришли в министерства и во все другие учреждения самые простые люди в солдатских сапогах, в рабочих куртках. Таких недавно швейцары на порог не пускали. Пришли, да ещё и распоряжаются от имени своего рабоче-крестьянского правительства. Так пусть эти новые хозяева жизни попробуют сами со всеми делами справиться — тогда Советской власти не продержаться и трёх дней.

Это была самая настоящая война. Государственный банк не выдавал новому правительству денег. Железная дорога прервала сообщение Петрограда со страной, не подвозили даже хлеб и топливо. Телеграф не принимал от большевиков телеграмм. Чиновники министерства иностранных дел отказались переводить на иностранные языки «Декрет о мире», который надо было разослать правительствам всех воюющих государств.

Когда большевичка Александра Михайловна Коллонтай, назначенная комиссаром социального обеспечения, пришла первый раз на работу, она увидела у подъезда толпы голодных сирот и калек. Служащие заперли все сейфы и не выдавали денег приютам и инвалидным домам.

Пришлось саботажников арестовать. Ключи от сейфов были получены, но кассы оказались пустыми. Бывшая начальница учреждения графиня Панина скрылась и унесла все деньги.

Не выполняли распоряжений правительства чиновники, ведавшие продовольственным снабжением, начислением зарплаты, работой городского хозяйства.

Но в длинных очередях за хлебом и топливом теперь ругали не правительство, как при Керенском, а старорежимных чиновников. Ведь правительство было своё, народное, значит, только враги могли нарочно морить голодом народ, поддерживать разруху.

В те дни Владимир Ильич Ленин писал: «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров — для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*».

Как за это взяться? Нужны специалисты. Те, кого вчера не пускали дальше начальной школы, сегодня не могут в несколько дней постигнуть тайны финансового дела, овладеть иностранными языками или разобраться в тонкостях управления железнодорожным движением. Всему этому надо долго учиться. А готовых специалистов, согласных помогать революции, было очень мало.

Чтобы победить в хозяйственной войне, необходимо было сломить сопротивление саботажников.

По новым советским законам работать обязан каждый. Не было больше и никогда не будет в нашей стране такого права — жить за чужой счёт. Служащих, которые отказывались исполнять декреты и распоряжения Советской власти, объявляли врагами революции и народа.

Первыми, кто начал проводить в жизнь эти решения, были Военно-морской революционный комитет и рабочие Петрограда.

Получено предписание Ленина немедленно обеспечить главную электростанцию Петрограда топливом — иначе город может оказаться без воды и света.

— Доложите товарищу Ленину, что уголь будет,— твёрдо пообещали балтийские моряки комиссару электростанции.

Несколько грузовых барж пошли к складам морского министерства в Новом порту. Там хранились миллионы пудов угля — военный запас. Но начальник складов не соглашался выдать топливо, пока не будет разрешения от военно-морского министра. Того самого, ко-

торый был арестован в Зимнем дворце и находился теперь в Петропавловской крепости.

— У нас предписание Ленина,— объясняли несговорчивому начальнику балтийцы.— Нельзя оставить город без электроэнергии. Так что мы будем грузить уголь, даже если для этого нам потребуется погрузить вас тоже и доставить как саботажника в наш ревком.

Чиновник учёл обстановку, и погрузка пошла полным ходом.

А вот как пришлось действовать в Государственном банке, который щедро выдавал народные деньги контрреволюционерам, а Советской власти отказывал даже в выплате зарплаты рабочим.

Комиссар банка, получив распоряжение из Смольного, вместе с новым директором потребовали у кассиров немедленно выдать деньги Совету Народных Комиссаров. Младшие служащие дружно поддержали это требование. Подействовал и намёк на Красную гвардию, которая якобы уже окружила банк,— кассир сдался.

Курьеры одолжили два старых больших мешка, и в них были погружены 5 миллионов рублей — первый взнос в советскую казну.

В Смольном для денег отвели вначале платяной шкаф, окружили его полукругом стульев и поставили часового. Совет Народных Комиссаров принял особый декрет о порядке хранения и использования этой суммы — начало первому советскому бюджету было положено.

А вскоре новая власть взяла в свои руки управление всеми банками столицы. Три отряда матросов, по сто человек каждый, утром 14 декабря заняли три главных банка по Невскому проспекту. Поставили своих часовых у сейфов, взяли под стражу директоров и главных бухгалтеров.

Перепуганным сотрудникам предложили соблюдать полное спокойствие, оставаться на своих местах и беспрекословно подчиняться всем распоряжениям власти рабочих и крестьян.

После этого немедленно ввели в должность новых директоров, назначенных Советом Народных Комиссаров. А бывшим руководителям банков предложили остаться первыми помощниками.

Глава «Петроградского банка для внешней торговли» и главный бухгалтер банка «Лионский кредит» сразу приняли предложение Советской власти. И не они одни. Банки начали работать.

Постепенно удалось наладить дело повсюду. Хотя и с перебоями, но начали курсировать поезда. Заработала и связь. Правда, это случилось после того, как Народный комиссариат почт и телеграфа попросил направить на Центральную телефонную станцию и в Главпочтамт революционных моряков. Они умело и безотказно выполняли самые сложные поручения Советской власти.

Комиссаром почтамта стал черноморский матрос Дмитрий Марулин, служивший во флоте телеграфистом. Комиссаром Центральной телефонной станции назначили участника Октябрьского восста-

ния Тимофея Рыжкова, тоже матроса Черноморского флота, специалиста-электрика.

— Так кому вы собираетесь помогать? Народу или его врагам? — обратились комиссары к служащим.— Учтите, ваши бывшие хозяева больше не вернутся. Власть мы взяли навсегда и держим её в руках крепко.

Кто-то пожаловался на плохое снабжение, кто-то спросил про хлебные карточки.

— Честных тружеников карточками обеспечим и будем по мере сил помогать, несмотря на голод в стране. А злостных саботажников и бездельников страна кормить не может. Хлеба и так не хватает, сами знаете.

Слово комиссаров оказалось верным. Тем, кто начал работать, выдали дополнительное питание. Ревком раздобыл несколько ящиков с мясными консервами, мешки с сахаром. В то тяжёлое время такая забота была самой дорогой.

Ну а саботажников больше терпеть не стали. На их место пришли добровольцы — рабочие, солдаты... Они сели к аппаратам на телефонной станции и, получив подробную инструкцию, принялись за дело. Провода снова загудели.

Прежде всего наладили связь между Смольным и заводами, военными частями.

А на почте сам комиссар Марулин, устроившись у аппарата Морзе, начал терпеливо вызывать город за городом. Надо было срочно передавать задержанные телеграммы.

Вилась бесконечная лента тире и точек, соединяя Петроград со всей Россией...

Много было у революции верных бойцов. Они несли людям правду Ленина. Срывали заговоры врагов. Отнимали у спекулянтов спрятанные продукты и отдавали их рабочим. Был приказ стрелять из пулемётов без предупреждения по грабителям и погромщикам.

Совнарком назначил особого комиссара по борьбе с пьянством. Трудовому народу теперь незачем было одурманивать себя. Запасы водки и вина беспощадно уничтожались.

Сохранился приказ комитета гвардейского Финляндского резервного полка всем домкомам и гражданам Васильевского острова.

«Буржуазия избрала подлый способ борьбы, она в разных частях города устроила огромные винные склады и наталкивает на них солдат, стараясь вином внести раскол в ряды революционной армии.

Приказывается всем домовым комитетам в трёхчасовой срок сообщить... об имеющихся запасах вина. Не исполнившие приказа будут арестованы, обнаруженные запасы вина будут взрываться динамитом».

В этих строках мы читаем сегодня суровую непримиримость бойцов Октября к подлости и уродству старого мира.

Был случай, когда в Смольном затопили печь игральными картами. Целый мешок этих карт привезли после ликвидации одного подпольного игорного дома, где тайно собирались белые офицеры.

Ярко вспыхнули в огне «черви» и «пики», рассыпались пеплом «короли» и «тузы», что ещё недавно помогали проматывать деньги и убивать время богатым бездельникам.

— Вот теперь полный порядок! — весело сказал, глядя в огонь, балтиец Павел Мальков, на днях назначенный комендантом Смольного.

Он сам участвовал в опасной операции, сам закрывал этот офицерский клуб, где в пьяном застолье, посреди карточной игры зрели новые заговоры против Советской власти.

Большевик Мальков хорошо понимал, как много скверны и грязи должно ещё сгореть в пламени революции, чтобы жизнь стала чище.

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ПОСТ

С той самой минуты, когда поздним вечером 24 октября Владимир Ильич Ленин покинул последнюю свою нелегальную квартиру и пришёл в Смольный, он твёрдо встал у руля главных событий в стране.

Теперь он был не только вождь большевиков, но и главнокомандующий всеми силами Октябрьской социалистической революции.

К нему поступали самые важные донесения и шли связные из районов. Он давал необходимые и точные указания, замечал любую опасность, как только она возникала, и тут же принимал меры для её отражения.

Своей волей и верой в победу Ленин словно бы заряжал всех окружающих, и дело делалось энергичней, бодрее.

Круглые сутки, без всякой передышки работал штаб в Смольном. Даже глубокой ночью здесь не затихало оживление. Стучали машинки, звонили телефоны, на столах росли кипы телеграмм с фронтов, из Советов, из ближних и дальних областей. Телеграммы тут же разбирали и готовили ответы.

На третьем этаже непрерывно заседал Военно-революционный комитет. Работал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Неимоверными усилиями многих тысяч людей, действующих согласованно, совершались каждый час такие перемены, для которых в обычной жизни потребовались бы годы, а может, и десятилетия.

Можно сказать, что время в революции мчится с космической скоростью. Уснув вечером в одном из самых отсталых буржуазных государств, жители России проснулись наутро гражданами первой в мире Советской Республики.

Не было больше в нашей стране князей, графинь и тайных советников — прежние сословия и гражданские чины упразднялись. Навсегда отменялась и частная собственность на землю и все её богатства — леса, воды, недра... Народы, населяющие Россию, получали равные права, рушился национальный гнёт.

Разве не об этом мечтали, не за это веками боролись лучшие сыновья и дочери России? Теперь их родина всего за несколько октябрьских дней опередила все страны мира, дала своим рабочим и крестьянам права, каких трудящиеся не имели нигде.

И ещё Российская Республика Советов предлагала всем народам и правительствам добровольно отказаться от военных споров, решать все разногласия мирно, без кровопролития. Это касалось будущего всего человечества.

Первые декреты Советской власти. Владимир Ильич Ленин работал над ними, когда цепи штурмующих ещё осаждали Дворцовую площадь в Петрограде. Радиостанция главного штаба Временного правительства ещё посылала во все концы отчаянные призывы собирать силы для защиты законной власти от заговорщиков, но на эти призывы не последовало никакого ответа.

Большевики не были заговорщиками, они действовали открыто. Все знали, за что они борются. И поэтому за ними шли миллионы людей — большинство населения России.

Теперь к этому большинству и обращался вождь революции на простом и понятном каждому языке декретов. Он видел, что штурм старой жизни будет долгим и трудным,— и значит, каждому бойцу необходимо хорошо представлять, во имя чего он сражается, какой должна стать новая жизнь.

...Вот уже по коридорам Смольного прошёл военным шагом мотоциклист-самокатчик в чёрном кожаном костюме, с сумкой через плечо. Он передал Ленину донесение о взятии последнего царского дворца и аресте министров последнего буржуйского правительства в России. Громовое «Ура!» прокатилось по всем этажам. И только тут, впервые за двое суток, Ильич согласился немного отдохнуть.

Но когда его устроили в небольшой отдельной комнате и оставили одного, он бесшумно, чтобы никого не беспокоить, поднялся с кровати, зажёг свет и, присев к столу, снова углубился в работу.

В ту ночь он готовил безотлагательный ответ многострадальной русской деревне — от имени новой власти. Крестьяне всё ещё верили, что получат землю из рук партии эсеров. Ведь те называли себя революционерами, первыми защитниками интересов крестьянства, именно крестьянства, а не рабочего класса. Если эсеры войдут

в Советское правительство, они скажут там своё слово в защиту деревенской бедноты. Так думали многие.

Владимир Ильич не один год изучал и глубоко знал положение самого обездоленного класса в России — безземельных крестьян. Он видел то, в чём не всегда могли сами разобраться обманутые безграмотные мужики: только рабочий класс по-настоящему заинтересован спасти своего брата крестьянина от беспросветной нужды и голода. Только рабочий даст мужику и землю, и трактор, и грамоту.

А эсеры готовят лишь давно известный обман: платите выкуп — тогда получите свои наделы. Всего за несколько дней до начала революции, в октябре 1917 года, они подготовили проект закона, в котором чёрным по белому подтверждалось и припечатывалось: только за выкуп. Но где же нищие смогут взять деньги для покупки земли у её богатых владельцев? Закон был написан для спасения помещиков и надувательства крестьян.

Надо было, чтобы крестьяне сами смогли убедиться, кто их друг, а кто — враг.

На следующий день Ленин вышел на трибуну Второго съезда Советов. Народный вождь, понятный и близкий каждому делегату, уважаемый и любимый, как никто другой, он пришёл сказать России о наступлении нового времени. Революция победила! Лицо Владимира Ильича светилось огромной радостью. Дождавшись, когда стало тихо, он совсем просто начал:

— Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка.

Вслед за Декретом о мире Ленин огласил Декрет о земле.

— Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа...

Слегка наклонившись вперёд, Владимир Ильич говорил с убеждённостью, которая передавалась всем слушателям. Спокойно и обстоятельно обосновал он все положения нового закона, который означал настоящий революционный переворот в жизни многомиллионного крестьянства. Оно получало из рук Советской власти 150 миллионов десятин земли — совершенно безвозмездно.

Если бы эту землю пришлось выкупать, общая плата составила бы свыше 700 миллионов рублей золотом.

Кроме того, деревню освободили от выплаты огромного долга Крестьянскому земельному банку — это ещё 3 миллиарда рублей. И передали в пользование помещичий инвентарь на многомиллионную сумму.

Всем было понятно, что это значит. Советская власть вырывала русского мужика из пожизненной кабалы, освобождала его от рабства.

Каждое слово Ленина глубоко проникало в души людей. Пожилой делегат в крестьянском полушубке, не в силах молча пережить всё услышанное, громко шептал соседу:

— Вот это действительно наш защитник! Вот это декрет! Эсеры только обещали, только маслом по губам мазали, а большевик Ленин всё одним махом решил!..

Сидевший рядом солдат, по виду фронтовик, прямо из окопов, украдкой тёр глаза грязной папахой. Если бы всё это он мог рассказать своим дедам и прадедам!..

— Ну, теперь крестьяне пойдут с нами, теперь эсерам нас не расколоть,— радостно переговаривались рабочие.

Написанный Лениным Декрет о земле вобрал в себя Всероссийский крестьянский наказ — требование 242 местных сельских сходов. В два часа ночи 26 октября 1917 года он был поставлен на голосование. Его приняли всеми голосами — против одного.

Всего один делегат осмелился поднять руку с мандатом против общего мнения. Кто был этот несогласный? Может, обманутый или обманом попавший в зал съезда (ведь кое-где в Советах всё ещё сидели меньшевики и эсеры)?..

Можно твёрдо сказать одно: этот одинокий голос принадлежал не большевику и не крестьянину.

Когда съезд перешёл к образованию первого Советского правительства, в его состав были избраны только большевики. Эсеры отказались послать своих представителей в Совет Народных Комиссаров.

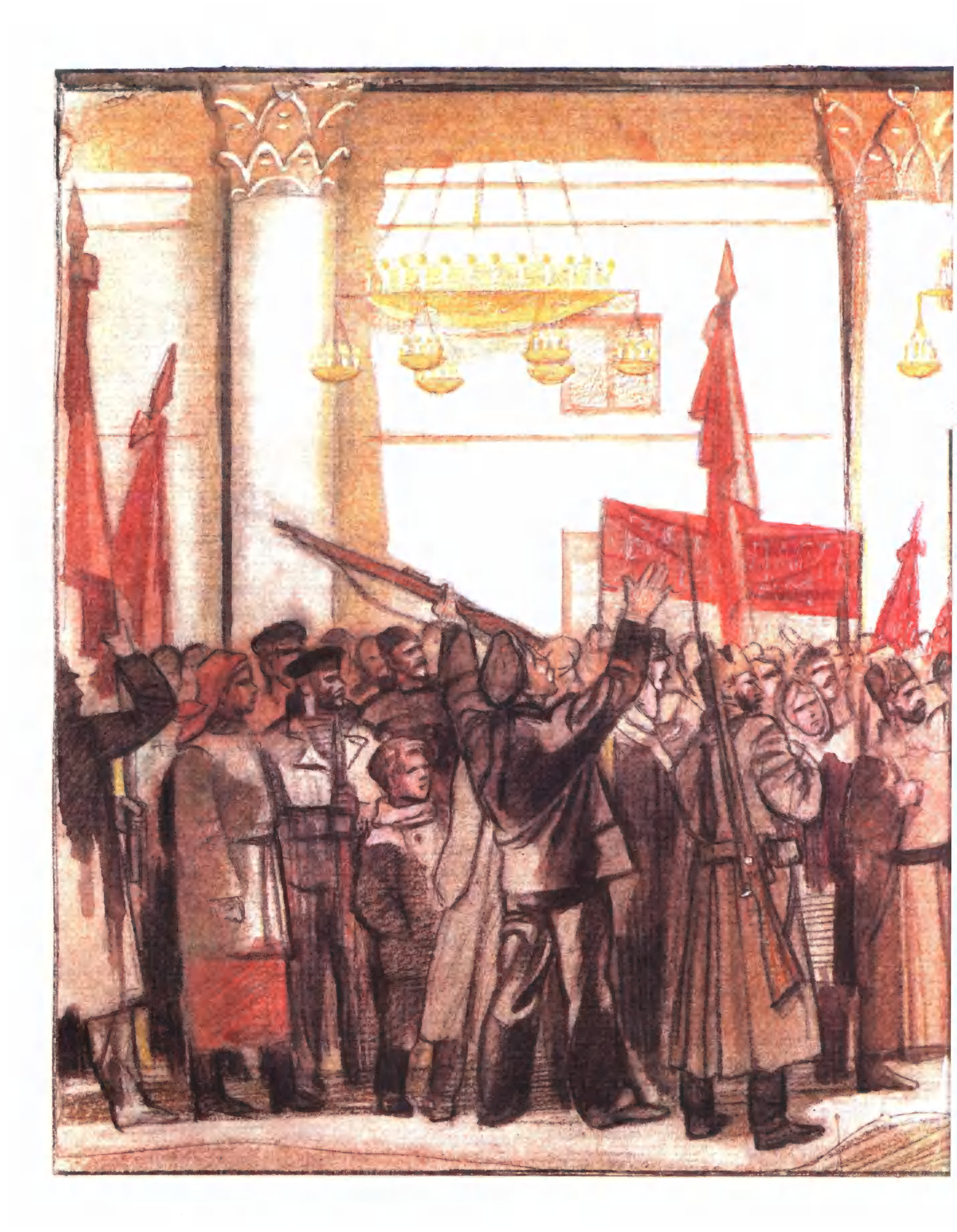
Председателем рабоче-крестьянского правительства избрали Ленина.

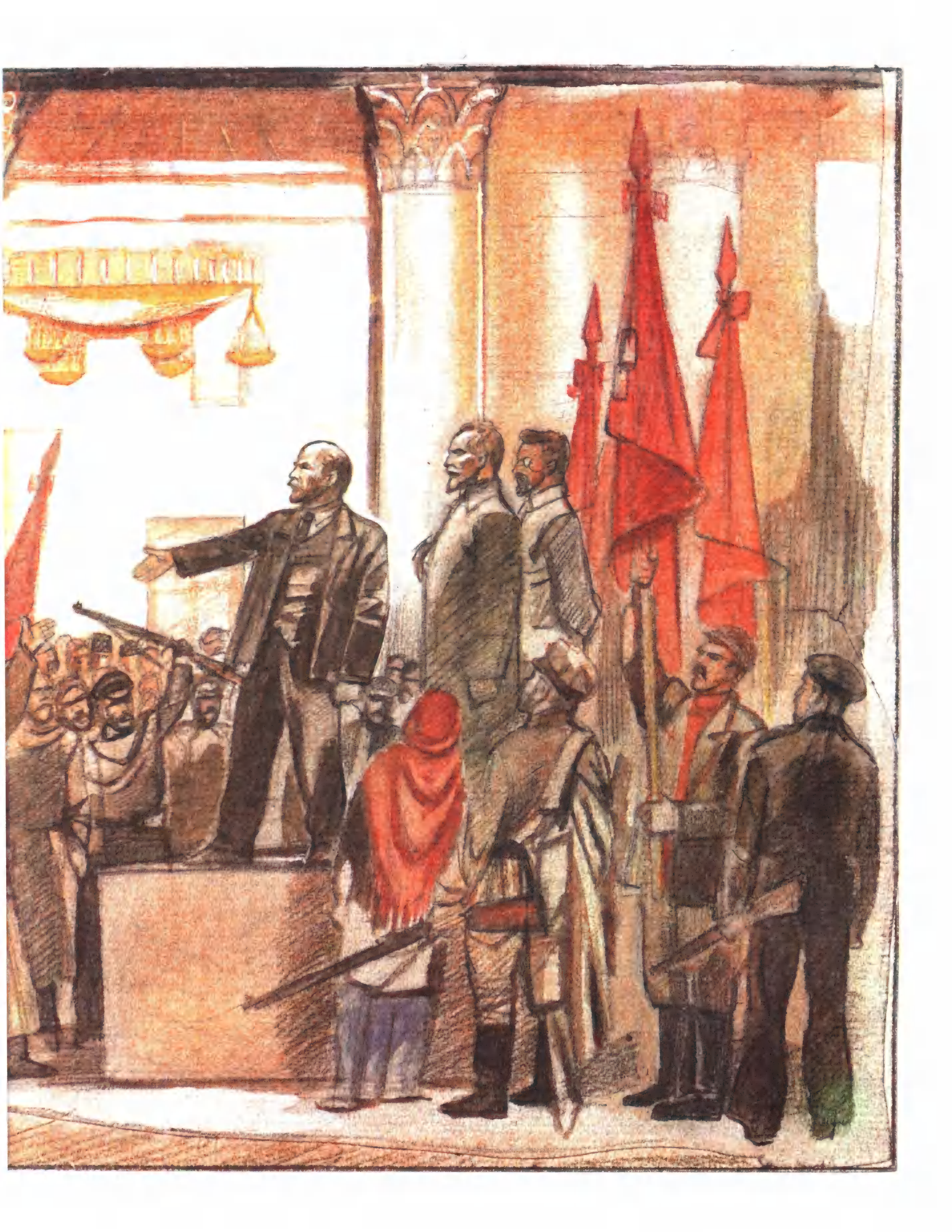
Он поселился с Надеждой Константиновной Крупской прямо в Смольном. У них никогда не было своей квартиры с мебелью: жизнь революционеров не давала им осесть на одном месте, обзавестись домом. Да их и не интересовало имущество, вещи.

Семье главы государства отвели комнату, где раньше жила классная дама.

В эту комнату с перегородкой поставили лишь самое необходимое — небольшой письменный стол, диванчик, пару стульев. А за перегородкой — две простые железные кровати, тумбочки и шкаф.

Конечно, в Смольном можно было найти и богатые ковры, зеркала, картины. Но Ленин никогда не изменял привычке к скромной жизни, не изменял убеждению, что у коммуниста не должно быть никаких привилегий. «Он ужасно раздражался, когда ему хотели создать богатую обстановку, платить большую заработную плату»,— вспоминала Надежда Константиновна. На одном из первых заседаний Совнаркома было принято предложение Ленина, чтобы

жалованье наркомам было не выше заработка хорошего рабочего. Из-за разрухи и бедности первое социалистическое государство не могло пока платить каждому по труду. Но могло показать пример братского равенства, когда коммунист, независимо от должности и положения, делил со своим народом голод и холод, все тяготы жизни. И в этом была высшая справедливость того сурового времени.

Из-за своей занятости Ленин часто не успевал в столовую, и тогда обед ему приносил солдат-пулемётчик Желтышев из охраны Смольного: такое у него было поручение.

В столовой давали кусок хлеба, жидкий суп, иногда кашу — то, что полагалось всем по пайку. Желтышев переживал, что Ленин получает только чёрный хлеб, очень плохой, с мякиной, и по секрету обращался в свой полк, чтобы там достали хоть немного белого хлеба для Ильича.

День у Ленина был до предела заполнен работой в Центральном Комитете партии и Совнаркоме, встречами с рабочими делегациями, с ходоками из деревень, подготовкой газетных статей. Всё это складывалось в двадцатичасовой ежедневный напряжённый труд.

К десяти часам утра он всегда уже был в своём кабинете на третьем этаже Смольного. Днём непременно выезжал на заводы, в казармы — выступал. Вечером — снова работа в кабинете часов до четырёх-пяти утра, а то и всю ночь. «Не знаю, когда он спит»,— удивлялся комендант Смольного.

Даже придя поздно ночью за перегородку своей комнаты, свидетельствовала о том времени Крупская, Ильич всё никак не мог уснуть, вставал, шёл звонить, передавал какие-то неотложные распоряжения. А заснув наконец, и во сне продолжал говорить о делах.

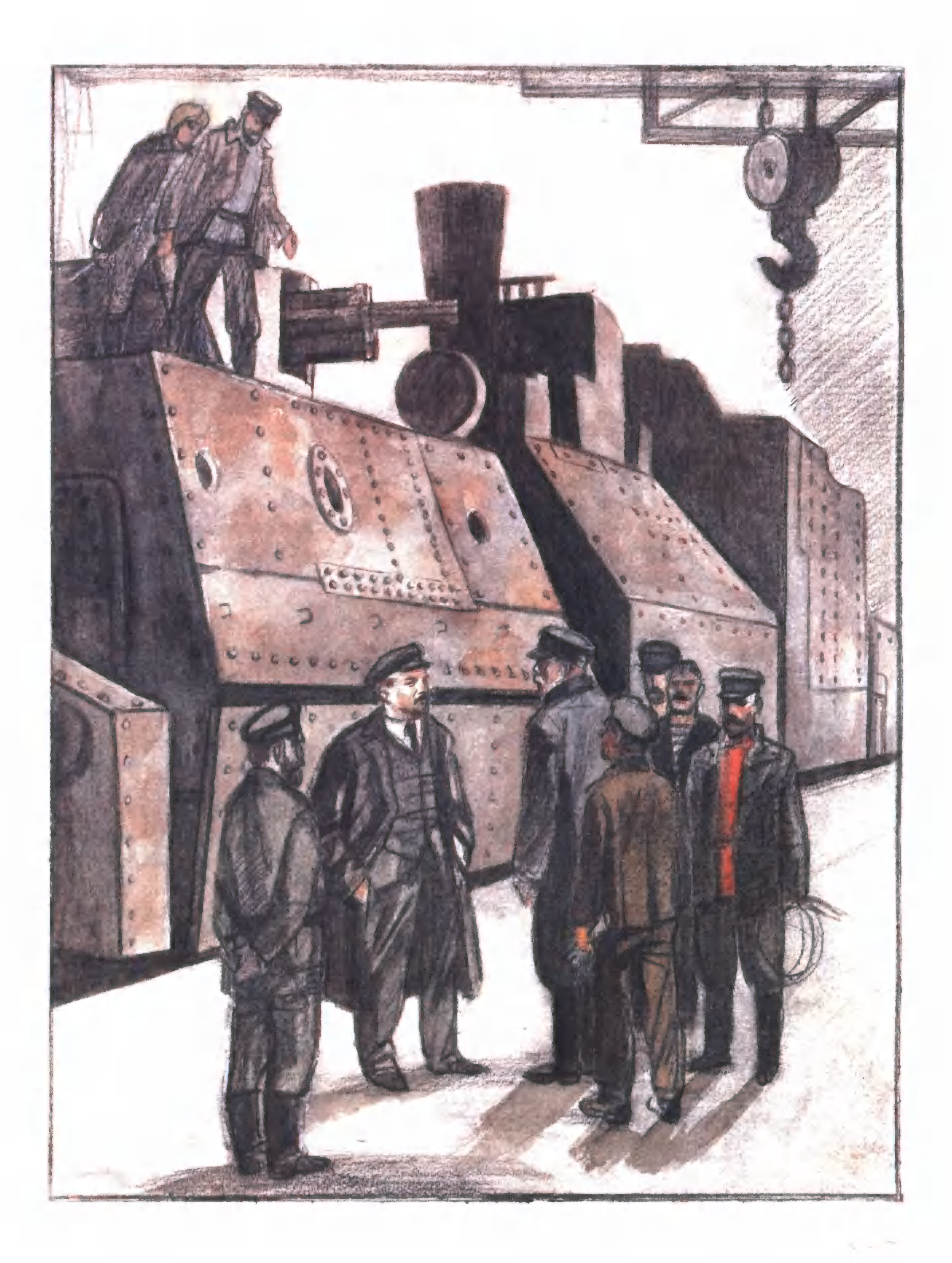
На долю этого человека выпала работа, которую до него никто не совершал,— строить заново, по правде, по справедливости, жизнь огромного государства.

А тут ещё враги не давали сосредоточиться на мирных делах, принуждали снова и снова бросать все силы на защиту революции.

Когда Керенскому удалось взять Гатчину и казачьи части шли уже на Петроград, Владимир Ильич, оставив все дела, сам приехал в военный штаб. Он потребовал детальных разъяснений: как организована оборона, какие силы защищают самые важные пункты, почему до сих пор не вызвана помощь из Кронштадта и Гельсингфорса. Затем связался по прямому телефону с балтийскими моряками и договорился, чтобы на подмогу Питеру как можно скорее выслали два миноносца и линейный корабль «Республика».

Из штаба Ленин отправился на Путиловский завод. Там готовили к выходу на фронт бронепоезд, и Владимир Ильич поговорил с рабочими. Дело сразу пошло энергичней.

А вскоре в Смольный созвали людей из районных Советов, из воинских частей и фабрично-заводских комитетов, и здесь Ленин дал

понять каждому, что́ от него сейчас зависит. Люди сразу почувствовали единую железную волю, чёткий план и свою задачу. Пока же такого плана не было, не получалось активных действий.

С этого часа революционный народ стал единым военным лагерем. Тысячи его защитников пошли в бой с решимостью умереть, но не отдать врагу завоёванного в Октябре.

Первые недели Советской власти. В одно и то же время необходимо было защищать Петроград, помогать Москве справиться с контрреволюцией, ломать сопротивление чиновников старого режима, раскрывать заговоры белых генералов.

У революции были тысячи и тысячи сознательных бойцов. Были и настоящие комиссары, люди особой закалки. Они прошли свои университеты в царских политических тюрьмах, на смертельно опасной работе в подполье. Но все рядовые и все командиры Октября видели в Ленине своего полководца, первого красного маршала.

Он умел, как никто, бесстрашно смотреть в глаза правде и, как никто, чутко улавливать самые главные, коренные нужды людей труда. В решительный момент русской и мировой истории, когда сдвинулся и начал меняться вековой уклад жизни, народ поставил Ленина на самый трудный пост.

ГОСУДАРСТВО — ЭТО МЫ

Когда обсуждался состав первого Совета Народных Комиссаров, один из кандидатов в будущие социалистические министры стал отказываться:

— У меня нет опыта такой работы.

Владимир Ильич Ленин, услышав этот довод, от души расхохотался:

— А вы думаете, у кого-нибудь из нас есть такой опыт?

Опыта социалистической революции не имел в то время никто в целом мире, а революция совершалась. Её бесстрашно творили люди, которых революционерами сделала их совесть, чувство справедливости, здравый смысл. Теперь им предстояло налаживать жизнь без господ и слуг, без угнетателей и угнетённых.

Первыми наркомами свободной России стали вчерашние политкаторжане — Милютин, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Ногин, Скворцов-Степанов... По общему числу лет, проведённых в царских тюрьмах и ссылках, по количеству прочитанных и написанных ими книг и изученных языков не было равного им другого такого кабинета министров в мире. И всё же: «Наше положение было трудным до

чрезвычайности,— напишет первый советский нарком юстиции Оппоков (Ломов), сражавшийся с оружием в руках ещё на баррикадах 1905 года.— Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска, но всем нам ещё надо было учиться управлять государством».

Неопытность? Что ж, с неё в конце концов начинается всё новое.

Мы наш,
Мы новый мир построим!..

Обязательно построим, несмотря на отчаяние маловеров и злобу врагов.

Враги — вот кто усердней всего старался поддержать неверие в народную власть.

«Допустим на минуту, что большевики победят,— писала в октябрьские дни реакционная газета «Новое время».— Кто будет управлять нами тогда? Может быть, повара... Или пожарные? Конюхи, кочегары? Или, может быть, няньки побегут на заседания Государственного совета в промежутки между стиркой пелёнок? Кто же? Кто эти государственные деятели? Может быть, слесари будут заботиться о театрах, водопроводчики — о дипломатии, столяры — о почте и телеграфе?.. Будет ли это? Нет. Возможно ли это? На такой сумасшедший вопрос большевикам властно ответит история».

Вопросы, сколько вопросов в нескольких строках! Но они так поставлены, что можно сразу прочитать здесь и ответ: «Нет, не могут чумазые кочегары и простые водопроводчики справиться с государственными заботами. Не по Сеньке шапка».

Мнение «высших классов». Сколько веков вколачивали в сознание народа этот дикий, нелепый предрассудок, будто управлять делами в государстве способны только знатные, богатые.

Ну, так вот теперь история переводит их в графу «бывшие» — бывшие властители России, бывшие хозяева и правители. Не поняли они народ, не смогли поверить в его силы.

Большевики видели в людях труда главную силу жизни. Тому, кто своими руками создаёт все блага, должна по праву принадлежать и власть в государстве.

Советская власть пошла от Советов. Ещё в 1905 году рабочие выбирали в Советы самых авторитетных своих товарищей и доверяли им решать важные для целого завода, даже города дела. И рабочие решали — те самые слесари, кочегары, водопроводчики...

А к осени 1917 года они установили свой контроль на многих заводах и фабриках по всей России. И тогда хозяевам стало очень затруднительно обманывать, как прежде, своих подчинённых, выбрасывать на улицу неугодных.

В кабинет к директору предприятия приходили контролёры, которых выбирал весь рабочий коллектив. Их шутя называли «наши хозяева». С самого утра они усаживались у директорского стола и внимательно вникали во всё, что происходит на заводе. Откуда и как достают сырьё? Куда и по какой цене сбывается готовая продукция? Как организована охрана складов?

Обо всём, что узнали сами, обстоятельно докладывали потом фабрично-заводскому комитету. И все вместе не позволяли фабрикантам закрывать предприятия, добивались улучшения условий труда. Словом, действовали, исходя из убеждения, что все заводы и фабрики в стране — это достояние народа. Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов в последние дни правления Временного правительства потребовала для спасения страны от разрухи и голода установить власть рабочего класса.

Вскоре после Октября Владимир Ильич Ленин приехал на Путиловский завод. Впервые как председатель Совнаркома. Конечно, все ждали, что он скажет рабочим.

Он спросил:

— Ну как, товарищи, справитесь без капиталистов? Сможете сами дело наладить?

У путиловцев не было никаких сомнений, что смогут. Только бы сырьё шло без перебоев. Вместе с руководителем страны подумали и обсудили, какая нужна самая срочная помощь, чтобы поднять завод из разрухи.

Владимир Ильич сказал на прощанье слова, которые до сих пор не забыты:

— Теперь у вас правительство своё и всё богатство страны в ваших руках.

На четвёртый день существования Советской власти стал государственным законом восьмичасовой рабочий день. Этого трудовая Россия добивалась долго и упорно, но прежнее правительство дальше обещаний так и не пошло.

14 ноября был окончательно утверждён Декрет о рабочем контроле. Уже через месяц на большинстве предприятий в главных промышленных центрах страны рабочие принимали участие в управлении производством. Став хозяевами без кавычек, они сами выбирали директоров, и фабриканты были обязаны считаться с волей людей труда.

А вскоре заводы и фабрики начали переходить в полную собственность государства. Путиловский был одним из первых заводов, взятых Советской властью под своё управление.

Тысячи и тысячи людей из народа учились вести государственные дела. Это было тем чудесным средством, которое удесятеряло наши силы. Бросили работу старые чиновники? На их место приходили рядовые рабочие и крестьяне с большим опытом жизни и знанием людей. Им часто не хватало грамоты, но зато они работали не за страх, а за совесть, не жалели себя. И учились в работе.

Ничего, получалось. В Наркомат иностранных дел пришли рабочие электротехнического завода «Сименс», революционные моряки-балтийцы. Наркомату внутренних дел помогали путиловцы и выборжцы. Таким был ответ революции на вопрос: кто же будет управлять страной?

Социализм не создаётся по указам сверху, его будет строить сам народ, ни на кого не надеясь,— вот любимая мысль Владимира Ильича Ленина, которую он часто высказывал на встречах, в личных беседах, в статьях. Он много думал о воспитании в людях сознательности и видел её в том, чтобы каждый труженик разбирался в государственных делах и принимал их к сердцу, как свои личные.

Надежда Константиновна Крупская долго работала среди рабочих Выборгской стороны и с увлечением рассказывала Ильичу, сколько там было настоящего революционного творчества.

Решили, например, в районе ликвидировать неграмотность. А было это ещё в предоктябрьские дни. Так рабочие сами обследовали, кому надо учиться, сами нашли помещения и открыли школы грамоты. И к каждой такой школе прикрепили толковых помощников. Они следили, хорошо ли поставлено дело, хватает ли букварей, школьных досок и мела.

И о детских домах, о народных библиотеках тоже заботились люди от станка. Они ни на кого не рассчитывали, кроме себя, когда затрагивались интересы их товарищей по работе, соседей по улице, детей рабочих. Заполучив с помощью районного комитета большевиков просторный особняк с садом и оранжереями, отдали его детворе из рабочих кварталов. Так появился на Выборгской стороне первый детский клуб. А может, он был первым и в стране?

Однажды в Народном доме района собрался суд. Его организовал рабочий Чугурин, избранный товарищами в Выборгскую управу. Собралось так много народа, что сидели и стояли даже на подоконниках. Это был первый народный суд в районе. Всем миром разбирались с одним сторожем. Он бил своего сына-подростка и не пускал его учиться.

Сторож не знал, что говорить и как оправдываться, когда его начали горячо укорять такие же, как он сам, рабочие и работницы. Даже заплакал и пообещал сынишку больше не обижать.

Что так подействовало на человека? Он увидел, что его сына жалеют посторонние люди и что им не безразлична жизнь его семьи. Это был не казённый суд, а человеческий, совестливый.

Ленин очень интересовался всеми подробностями такой самодеятельности. Он мечтал, чтобы всякая работа в нашем государстве делалась с такой же доброй охотой и совестью, какие были у сознательных пролетариев Питера.

А для этого надо было помочь миллионам людей понять и почувствовать: Советское государство — это мы сами.

Много было заботы о том, чтобы поскорее дошёл каждый декрет до самого глухого угла. Особенно Декрет о земле. Ведь Россия была в то время страной крестьянской.

Этот важный документ перепечатали все газеты. Его издали отдельной книжечкой и рассылали бесплатно во все концы страны. Демобилизованным перед отправкой домой в деревню обязательно вручали несколько экземпляров. Да ещё смотрели, чтобы один экземпляр клали поглубже в сумку, на дно, для лучшей сохранности, а другие держали бы поближе — для чтения и раздачи в пути.

Отдельной листовкой был отпечатан «Ответ на запросы крестьян» за подписью Председателя Совнаркома. В листовке разъяснялось, что Советы крестьянских депутатов должны немедленно брать земли помещиков в своё распоряжение и обеспечивать сохранность всего народного имущества.

Эти «Ответы» читали вслух и разбирали в деревнях по всей России. Крестьяне называли их «Грамотой Ленина».

В те славные дни, когда только начиналось строительство новой жизни, вместе со взрослыми за дело принялись и ребята. В четырнадцать-пятнадцать лет они уже чувствовали себя настоящими работниками.

По мандату Советской власти они помогали открывать школы, заколоченные саботажниками. Вселяли в роскошные квартиры бывших богачей семьи погибших на войне солдат — вдов и сирот из сырых подвалов. Не боялись вступать в громкие споры на улицах, объясняя, почему не хватает хлеба и дров.

Они имели право спорить, потому что сами ходили с милицией на обыски и выволакивали из потайных чуланов хорошо припрятанные мешки с мукой и сахаром. А иногда и с оружием.

Их называли большевиками. Одни с уважением, другие не скрывая злобы.

Они и были настоящими большевиками — дети революции, чьё отрочество и юность пришлись на время неповторимое, прекрасное.

В то время часто говорили о будущем. Не замечая окружающей бедности, лишений, радостно мечтали о наступающем завтра. Ну

и что же, что надо стоять ночь за осьмушкой хлеба, что на обед — одна вобла с кипятком, а от холода приходится прикрываться латаной-перелатаной одёжкой? Все трудности обязательно одолеем и жизнь в стране наладим. Жить так интересно!

Они сами теперь хозяева будущего. Верили: оно будет таким, каким его своими руками построим. Вырастут светлые города среди садов. Откроются тысячи школ. Люди станут все, как один, красивыми, потому что навсегда забудут жадность и зависть. И одежду станут носить лёгкую, светлую, без лишних украшений. Украшаться будут благородством души, высокой культурой, и никому не придёт больше в голову гордиться друг перед другом своим богатством.

А богатство для всех будет одно, общее — их могучая и свободная Страна Советов.

В самом начале следующего, 1918 года III Всероссийский съезд Советов утвердит завоевания революции в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». С этого времени новые права трудового народа России станут так же нерушимы, как статьи Конституции. А Советская Республика предстанет перед лицом остального мира полноправным государством.

И как бы ни относились к этому факту разные страны и их правительства, сколько бы ни старались «отменить» раз и навсегда власть Советов в России, она, эта власть, устоит. И месяц, и год, и десять лет...

Вот уже семь десятилетий на огромных пространствах Земли — от Балтийского моря до Тихого океана — люди более чем ста национальностей живут одной дружной и свободной семьёй. И от отцов — детям, от детей — внукам и правнукам передают наказ Ленина:

«Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества».

С вершины только что победившего Октября Владимир Ильич видел далеко и отчётливо. Не было ещё в истории такого государства, как наше. В стремлении к справедливости его создали разум и воля миллионов людей, чтобы навсегда очистить жизнь от насилия и рабства.

Самую тяжёлую ношу взял на свои плечи поднявшийся народ. Горе обездоленных — чтобы не стало этого горя. Слёзы детей — чтобы навсегда смыть их.

«Революция — не праздник, это тяжёлый труд»,— не раз предупреждал Ильич товарищей по партии. Но когда наступили решающие дни Октября, Ленина видели неизменно оживлённым, весёлым и словно светящимся изнутри каким-то особенным светом. Работа

созидания не только тяжёлая, она приносит самую большую человеческую радость.

Сегодня эта работа продолжается. Мы ведём своё начало от людей, которые смогли в 1917 году перевести вперёд стрелки часов истории. Мы тоже не согласны сидеть и ждать сложа руки, а торопимся быть лучше, жить человечней, успевать с каждым днём всё больше. И так же верим, что нет ничего сильнее, чем стремление к добру и справедливости. И так же готовы брать на свои плечи горе обездоленных, как бы далеко от нас оно ни случилось.

Когда нам бывает трудно, когда приходится идти сквозь ненависть врагов и непонимание равнодушных и надо собрать все силы для победы, пример первых укрепляет наше мужество. Мы вглядываемся в далёкий осенний рассвет и чувствуем на своём лице чистый ветер Октября.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Отзывы об этой книге
издательство просит присылать
по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

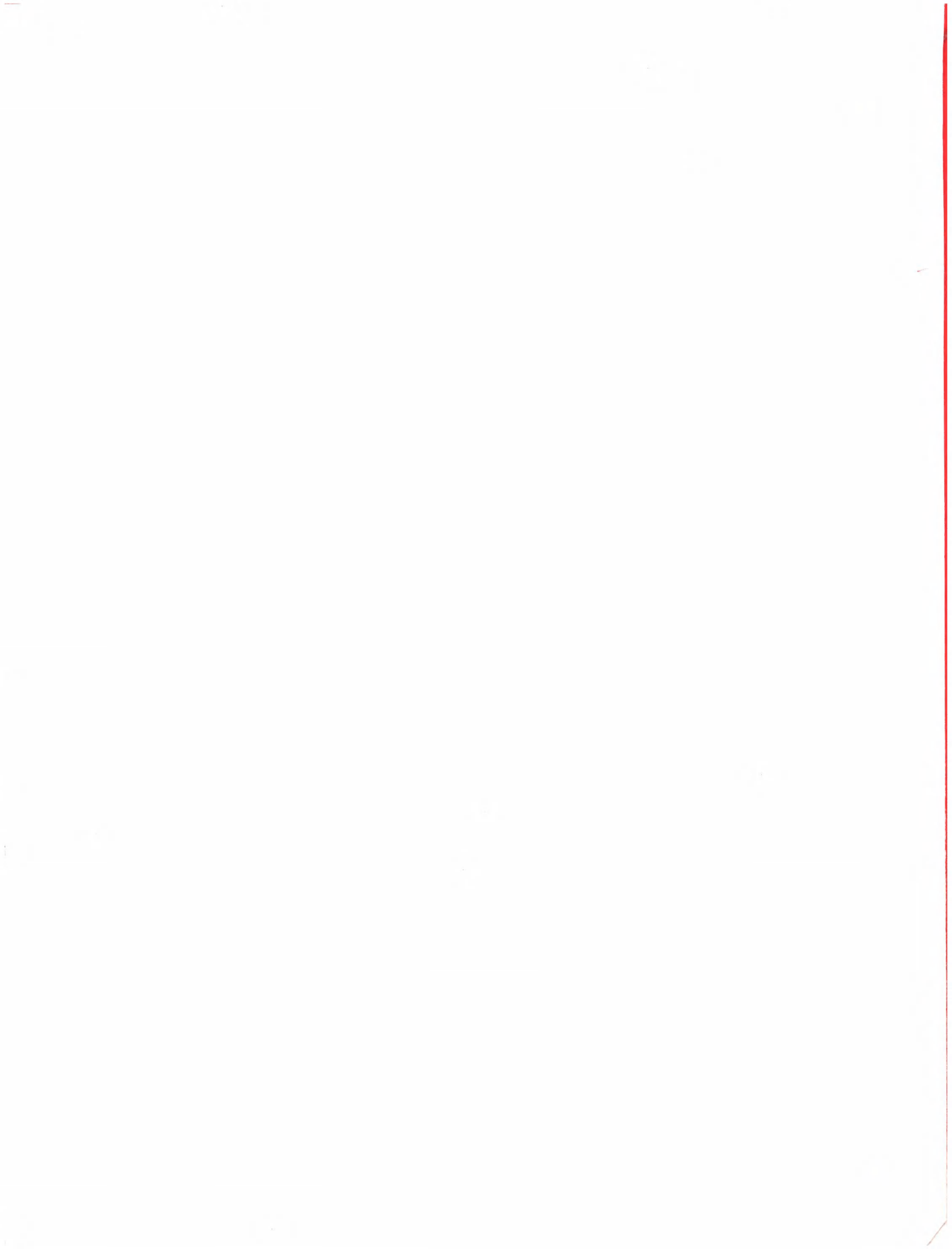
Сергеева И. Ф.

С32 Чистый ветер Октября: Историко-публицистический рассказ/Худ. Ю. Копейко.— М.: Дет. лит., 1987.—96 с., ил.

В пер.: 1 р. 30 к.

Историко-публицистический рассказ о Великой Октябрьской социалистической революции, о подготовке и ходе восстания в Петрограде и о первых днях Советской власти.

С $\frac{4803010102-503}{М101(03)87}$ 063—87 Р2

1 р. 30 к.

Для младшего школьного возраста

Ирина Фёдоровна Сергеева

ЧИСТЫЙ ВЕТЕР ОКТЯБРЯ

Историко-публицистический рассказ

Ответственный редактор И. В. Омельк
Художественный редактор В. А. Горячева
Технический редактор И. С. Широкова
Корректор Г. Ю. Жильцова

ИБ № 8497

Сдано в набор 27.04.87. Подписано к печати 21.09.87. А 05672. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Бум. офс. № 1. Шрифт журн.-рубл. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 41,16. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 100 000 экз. Заказ № 6061. Цена 1 р. 30 к.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»